Последний из Бессмертных

Автор:
Андрей Ливадный

Последний из Бессмертных

Андрей Львович Ливадный

Экспансия: История Галактики #47

Лишь оказавшись на неведомой планете, галакткапитан Иван Таманцев понял, что его успешный побег из плена оказался кем-то подстроен. Загадочные изменения в собственном организме вызвали у бесстрашного воина ужас. Но для него это было только начало эпопеи… А подлинная история планеты с многозначительным названием Рок насчитывала уже несколько миллионов лет. Именно здесь голубокожие хараммины создали биологическое оружие для борьбы с разумными насекомыми, мигрирующими под натиском Предтеч по всей Вселенной. И когда за тысячу лет до аварии истребителя Ивана Таманцева здесь высадились колонисты с Земли, они сразу же подверглись мутации. Теперь подобная участь грозила уже всем обитателям Вселенной…

Авторское название книги – «Ответный удар».

Андрей Ливадный

Последний из Бессмертных

Пролог

Медленный танец теней наполнял помещение.

Под сводами величественного зала на фоне имитации клубящихся облаков лазерные лучи чертили бледные, обладающие объемом, но все же призрачные фигуры людей и машин.

Девушки, скользившие в грациозных движениях танца, то исчезали, то появлялись вновь, под стать тем эфемерным фигурам, что медленно брели по заросшей мхом древней дороге.

Музыка звучала грозно и величественно, но в ее глухие раскаты резкими нотами врывались пронзительные звуки, заставляющие сжиматься сердца.

Страх и надежда.

Страх и надежда…

Два слова, из которых складывалась жизнь.

Флора стояла у стены и смотрела то на танец подруг-теней, то на исторически достоверные картины, появляющиеся под сводами.

Обычно сцены из прошлого, просмотренные уже сотни раз, переставали вызывать ответные чувства, но сегодня что-то произошло в ее душе, и Флора вновь, как в детстве, сопереживала им – призракам, многие из которых еще живы.

Вот под сводами зала проявился фрагмент чернильной бездны, брызнули яркими, немигающими точками россыпи звезд, и, затмевая узор созвездий, вдруг появилась громада космического корабля: сфера, скупо обозначенная навигационными огнями, с шестью утолщениями, обнимающими ее, как руки, и с хорошо читаемой надписью на борту:

Земля. Колониальный транспорт «Надежда».

Щемило сердце, и Флора не понимала – почему.

Вроде все как обычно, и не девочка уже давно, чтобы в тысячный раз сопереживать лазерному шоу, но что-то все же происходило, вот только понять, что именно, не удавалось, она лишь чувствовала, как звездная бездна вновь приобретает осмысленное значение, превращаясь в путь…

Но кто же мог прийти оттуда, из коварного пространства, таящего лишь холод и смерть?

Никто из присутствующих в зале уже очень давно не питал иллюзий относительно далекой, почти позабытой, недостижимой прародины. Земля осталась там, за чужими узорами созвездий, и более не давала о себе знать.

«Что же со мной сегодня?»

Не хватало еще расплакаться, увидев иные картины, – их обязательно нарисуют лазеры, после того как объятый пламенем посадочных двигателей колониальный транспорт «Надежда» коснется опорами новой родины, которую выжившие назовут – Рок.

«Нет, не могу».

Не хотелось, чтобы кто-то из эмгланов (а их полно в зале) почувствовал ее состояние.

«Лучше выйду, прогуляюсь по свежему воздуху. Розы в самом цвету – любимое время года, не время для тоски».

– Уже уходишь? – настиг ее знакомый, чуть насмешливый голос.

Она обернулась уже на пороге зала.

Танец теней завершился, под сводами угасали последние величественные аккорды, а к ней, рассекая толпу, шел метаморф.

– Привет, Райбен. – Флора все же заставила себя улыбнуться – мило и беспечно.

– Прекрасно владеешь собой. Мне казалось минуту назад, что ты готова расплакаться.

– Верно. А как на душе у тебя?

Райбен задумался.

– Ты считаешь, Шодан, у метаморфов есть душа?

– Ты неисправим, – упрекнула Флора. – Душа есть у каждого.

– Только у некоторых она замерзла, будто заготовленная впрок рыба, – фыркнул Райбен и предложил Флоре руку. – Пойдем, прогуляемся. Мне тоже почему-то душно сегодня.

Они вышли под настоящие звезды, не такие яркие, чуть помаргивающие на небосводе.

– Как ты думаешь, мы можем ощущать что-то вне Рока?

– Вне? Это как?

– Ну, там, в космосе?

– Не понимаю тебя, – нахмурился Райбен. – Космос холоден и далек, в нем нет жизни, значит, нечего и ощущать, верно? Впрочем, спроси у эмгланов, они, наверное, лучше растолкуют тебе границы возможного восприятия.

– Мне почему-то сегодня кажется, что космос на самом деле не так пуст и враждебен, как принято считать.

– Ну, даже если и так? Нам-то что?

– Мне кажется, что-то грядет, – загадочно произнесла Флора. – И от предчувствий нет покоя.

– Ты просто сегодня не в духе. А может, ты влюбилась? – Райбен изобразил на лице участливое беспокойство. – Ну, скажи, кто твой избранник?

– Прекрати смеяться надо мной. – Флора внезапно помрачнела. – У меня такое чувство, как будто там, в бездне, погибает человек. А я… Я ничего не могу поделать. Не могу помочь ему.

– Ты просто хандришь. Слушай, а давай поедем кататься? Наперегонки. По городу!

– С ума сошел? Час сервов вот-вот наступит.

– Ну и что? Подумаешь – сервы. Мы же, в конце концов, оперативники. Можно хоть раз использовать служебное положение в личных целях?

– Ладно, – нехотя согласилась Флора.

Удар аварийно-спасательной катапульты, мгновенная перегрузка, почти до потери сознания, потом – медленно проступающие на фоне космоса яркие россыпи звезд.

Сейчас, после изматывающего боя, хотелось закрыть глаза и больше ничего не видеть.

Он сделал все, что в человеческих силах, но…

Конвой уходил в гиперсферу, а рисунок звезд внезапно затмили стремительные контуры каперских истребителей.

Один из них вдруг засиял, как солнце, врубив двигатели торможения, и через несколько секунд электромагниты удержания подхватили капсулу с катапультировавшимся пилотом.

Он ничего не мог поделать, хотя понимал, что плен может оказаться худшим исходом, чем смерть в бою.

Часть первая

«Слепой Рывок»

Глава 1

Планета Ганио.

3870 год галактического календаря

Узкая лестница с истершимися от прикосновения тысяч ног каменными ступенями вела от второго уровня мегаполиса к скалам, а затем, огибая сглаженные временем выступы горных пород, карабкалась ввысь, навстречу беспощадному сиянию звезды Халиф.

Туристы не замечают контрастов, на которых построена цивилизация «Колыбели Раздоров». Здесь современный город соседствует с древними укреплениями, миллионы искателей приключений, наемников, авантюристов, беглых преступников, сумасшедших, исследователей, непризнанных гениев и просто потерявших себя, утративших смысл жизни людей живут рядом, бок о бок, тут, кажется, дозволено все, но… только с одобрения Кланов.

Чтобы получить реальное представление о Ганио, мало набраться смелости (или безрассудства), совершить межзвездный перелет и, сойдя с борта комфортабельного челнока, вдруг оказаться посреди… пустыни. Мало увидеть утопающий в песках космический порт и возвышающийся среди движущихся барханов мегаполис, нужно остаться тут, утонуть в коловращении миллионов непохожих и ярких судеб, а затем найти в себе силы вынырнуть.

Редко кто прилетал сюда по зову сердца.

В основном у каждого из эмигрировавших на Ганио людей за плечами оставалась трудная жизнь, незавершенные дела и нелады с законом.

Длинная, вырезанная в камне лестница еще раз повернула, огибая скалу, и оборвалась темным зевом входа в пещеру.

На небольшой площадке между острыми гранитными глыбами, в тени, пристроились два ганианца. Рядом на треножном станке стоял крупнокалиберный импульсный пулемет с разбитым экраном целевого монитора и обрывками разлохмаченных оптических кабелей в том месте, где изначально крепился блок кибернетической системы, позволявшей оружию исполнять охранные функции без участия человека, в автоматическом режиме.

Все же дикий народ… – невольно подумалось Ивану.

Патологическое недоверие ганианцев к любым приборам сложнее ударно-спускового механизма уже давно стало притчей во языцех, однако у галакткапитана Таманцева, не очень-то доверявшего слухам, была возможность убедиться – все так и есть. Правда, это утверждение касалось рядовых воинов, с клановой знатью он еще не успел познакомиться и потому не торопился делать окончательные выводы.

Двое охранников лениво покосились в его сторону, затем один из них нехотя встал и, сделав угрожающий жест – стой, где стоишь, – исчез в темноте тоннеля, ведущего в глубь скалы.

Через минуту он вновь появился на площадке, подошел к Ивану, грубо обыскал его и молча подтолкнул к входу.

Внутри было темно. После яркого света, источаемого полуденным Халифом, глазам требовалось время на адаптацию.

Никто не встретил пленника, и галакткапитан спокойно дождался, пока зрение свыкнется с сумраком. Наконец он стал различать стены: никакой отделки, видимых датчиков или протянутых вдоль тоннеля коммуникаций, хотя тусклые пятна желтоватого света указывали на энергопотребляющие источники неяркого освещения.

Медлить дальше показалось бессмысленным, и он пошел вперед. Через десяток метров тоннель вывел его в просторную, но не очень большую пещеру. На полу лежали ковры, стены скрывали драпировки, из предметов мебели присутствовал стол на гнутых ножках, пара аскетического вида скамей и нечто, напоминавшее резное противоперегрузочное кресло, в котором восседал хозяин представшего взгляду галакткапитана неброского великолепия.

Несмотря на невыносимую жару снаружи, в пещере царила прохлада. Иван невольно поискал взглядом устройство кондиционирования, но датчики импланта не лгали, прохлада пещеры оказалась явлением естественным.

– Садись, – раздался хрипловатый, усиленный эхом голос ганианца.

Иван не торопился подчиняться распоряжению.

– Не ломайся, как туристка, джелави, – вновь с легкой хрипотцой заговорил ганианец. – Мы воины, и нет смысла враждовать взглядами. Ты храбро сражался и заслужил уважение. – Он жестом указал на скамью. – Меня зовут Файзулло. Я старший в совете клана Джавгет.

Иван присел на жесткую скамью. Начало аудиенции ему не понравилось. В словах ганианца уважение звучало наигранно, а вот угроза в тоне казалась откровенной.

Он продолжал молчать, придерживаясь избранной тактики поведения. Терять ему все одно нечего. Если Файзулло так приспичило – пусть говорит.

Тот не заставил себя ждать. Поерзав в старинном кресле, вырезанном умельцами из огромного корневища какого-то дерева, ганианец продолжил:

– Ты молчишь. Спрашиваешь себя, что с тобой сделает клан в отместку за четыре уничтоженных истребителя?

– Я молчу, потому что мне нет нужды говорить, – решил расставить правильные акценты Таманцев. – Твои люди напали на гражданский конвой. Совершили преступление. Я же исполнял свой долг. Мне жаль тех, кого твоя алчность послала на смерть.

– Заблуждаешься. – Интеранглийский ганианца был очень даже неплох. Странное складывалось впечатление. Древняя пещера, отсутствие бросающихся в глаза кибернетических устройств, кажущийся аскетизм интерьеров, два туповатых охранника у входа, словно сошедших со страниц учебника древнейшей истории… и холодный, лживый, жестокий взгляд Файзулло, его насмешка, прячущаяся в уголках упрямо поджатых губ, правильное произношение, невольно указывающее, что образование ганианец получил на одном из центральных миров, скорее всего на Кьюиге…

Иван, до того как стать пилотом аэрокосмического истребителя, окончил общевойсковую академию ВКС и пять лет прослужил в спецподразделении космического десанта. О специфике персональной подготовки офицеров сил быстрого реагирования знали лишь сами абитуриенты да их преподаватели, поэтому Файзулло зря расслабился, изображая недалекого, но и не кровожадного шейха средней руки. Таманцев многое подмечал по едва уловимым теням, что пробегали по лицу ганианца, по его манере говорить, держать себя…

– Заблуждаешься, джелави. Из моих людей не пострадал никто, сбитые тобой истребители действовали под управлением модулей «Одиночка». А теперь… – Файзулло подался вперед, почти привстав с кресла, облокотившись о разделяющий их стол, – теперь подумай, сколько стоит один модуль системы искусственного интеллекта?

Таманцев пожал плечами. На риторические вопросы он отвечать не собирался. Модули «Одиночка» ценились очень высоко, потому что были запрещены к производству, продаже и эксплуатации частными лицами. Системами искусственного интеллекта оснащались только боевые единицы флота, подчиненные непосредственно Совету Безопасности Миров.

– Правильно, много, – по-своему расценил его невозмутимость ганианец. – Поэтому мои люди и не бросили тебя подыхать в капсуле пилот-ложемента после катапультирования. Что мне толку в смерти такого искусного и отважного пилота, как ты? Кто вернет клану стоимость уничтоженных машин?

Таманцев лишь пожал плечами в ответ.

– Ты вернешь, – прошипел Файзулло, на секунду выпуская на волю свою истинную сущность. – Можешь и дальше молчать, но не думай, что я позволю тебе умереть легко. Нет. – Он вновь откинулся на спинку старинного кресла, напуская на лицо маску невозмутимости. – Знай, что конвой все же не смог уйти в гиперпрыжок. Торговцы – люди сговорчивые. Они пожертвуют всем ради спасения собственной шкуры. Я даже соглашусь отпустить некоторых из них… не безвозмездно, конечно, а в обмен на маленькую услугу. Они дадут интервью ведущим каналам галактических новостей, где расскажут, как галакткапитан Таманцев предал их, вступив в сговор с ганианскими пиратами. Я дам им запись, сделанную в тот момент, когда мои люди подбирали в космосе твою капсулу с пилот-ложементом и почтительно сопровождали тебя в медицинский отсек корабля. – Файзулло усмехнулся, довольный своей изобретательностью. – Обломки твоего истребителя превращены в излучение и космическую пыль. Не сохранилось ни «черных ящиков», ни других источников информации, свидетельствующих о том, что капитан Таманцев дрался и уничтожил четыре ганианских корабля. И твой ведомый никогда никому ничего не расскажет. Его машину сожгло ударами плазмы. Но торговцы обязательно упомянут, как ты сначала расстрелял своего ведомого и лишь потом катапультировался, позволив пиратам беспрепятственно догнать и захватить конвой.

Таманцев молчал.

– Спрашиваешь себя: что дальше? – Ганианец зловеще усмехнулся. – Если ты скажешь мне «нет», я выпущу тебя отсюда живым, клянусь Шиистом. Сам понимаешь, отмыться ты уже не сможешь. Мне нет смысла пачкать руки в крови – выброшенный на улицу, ты станешь нищим на паперти Ганиопорта, вот самый лучший вариант, а могут быть и худшие. Например, рабство: не все люди моего народа живут в мегаполисе. Многие, как и встарь, кочуют по пустыням. Они совсем дикие, – хохотнул Файзулло. – Им постоянно нужны рабы, чтобы ухаживать за верблюдами. Медленная смерть в пустыне растянется на годы…

Иван уже минуту мысленно уговаривал себя не сворачивать шею этому ублюдку немедленно.

Пусть выговорится наконец. Надо узнать, что он хочет. К чему такие предисловия?

– Если ты правильно меня понял, капитан, клану необходим опытный пилот. Нам некем заменить уничтоженные тобой модули искусственного интеллекта. Пока

некем, – уточнил Файзулло. – Приобретение новых – дело времени. А время нам сейчас очень дорого. Есть грузы, которые нужно сопровождать, и доставлены они должны быть вовремя. Тебе предстоит совершить четыре рейса. По одному за каждый уничтоженный истребитель. Миссии конвоя, если тебя волнуют детали.

Таманцев продолжал молчать.

Сказки Файзулло его не интересовали. Совершишь четыре рейса, и мы тебя отпустим. Подобным обещаниям не поверит даже стажер-первогодка.

Таманцев оценивал свои шансы. Информационная западня, которую ганианец, видимо, считал вершиной искусства шантажа, выглядела смешно. Ему не придется доказывать собственную невиновность. Прежде чем вступить в бой с превосходящими силами противника, он отстрелил капсулу с нанопылью, которая тут же раскрылась, позволив своему содержимому рассеяться в пространстве. Высокотехнологичные микрочастицы фиксировали все, начиная от переговоров между кораблями конвоя и заканчивая подробными сигнатурами боя, видеоизображением и прочими деталями, вплоть до автоматически посылаемого системой спасательной капсулы отчета, свидетельствующего о том, что на момент катапультирования галакткапитан Таманцев израсходовал весь бортовой боекомплект, а его истребитель получил критические повреждения.

Рассудок работал быстро, но не лихорадочно.

Допустим, я сейчас придушу Файзулло. Два его охранника не в счет, с ними тоже справлюсь, но что дальше? Оперативных связей на Ганио у меня нет. Мстительность кланов известна всем, так что попасть на борт челнока или грузового корабля, стартующего из Ганиопорта, мне не светит. Подыхать в пустыне? Много чести этим отморозкам.

Уйти во время выполнения предложенного задания мне также не дадут. Значит, остается один выход – действовать немедленно, но осмотрительно.

– Где гарантии? – медленно осведомился Таманцев, заставив Файзулло поперхнуться очередной фразой.

– Ты о чем?

– Какие у меня гарантии, что, совершив эти рейсы, я получу свободу, а не отправлюсь ухаживать за верблюдами?

Ганианец прищурился.

– Ты все понял правильно, да? Тебе некуда деваться. – Файзулло вдруг спохватился, осознав, что начинает болтать лишнее. – Можешь не беспокоиться. Мое слово как скала.

Скорее, как лживый песок, меняющий очертания барханов… – мысленно уточнил Таманцев, но вслух эту тему развивать не стал.

Изобразив глубокую задумчивость и сомнения, что было совсем несложно в его положении, Иван нехотя, через силу стал задавать уточняющие вопросы:

– Тип истребителя, на котором мне предстоит лететь?

Файзулло брезгливо поморщился. Непонятно что означала его мимика: презрение к внезапно сломавшемуся офицеру ВКС Конфедерации или пренебрежение той техникой, которая находилась сейчас в его распоряжении.

– Старый, – коротко ответил он. – «Фантом».

– Насколько старый? В каком состоянии бортовые системы? Когда осуществлялся полный технический осмотр? – Теперь вопросы сыпались на ганианца, как твердые горошины.

– Совсем старый, – нехотя признался тот.

– Вылет когда? – продолжал напирать Иван, не давая опомниться своему «работодателю».

– Завтра. С восходом.

– Когда машина поднималась в воздух в последний раз?

– Что ты меня допрашиваешь?! – не выдержав, взъярился Файзулло. – Ты говоришь «да» или «нет». Все остальное – не твое дело. К утру машина будет готова к вылету.

– Ты, наверное, не понял, уважаемый, – взгляд Таманцева стал холодным, пустым, не выражающим ничего, кроме угрюмой решимости идти до конца в некоторых жизненно важных вопросах. – Я не хочу иметь дела ни с кочевниками, ни с верблюдами, ни с истребителем, которому прорва лет, – то есть не собираюсь умирать, если говорить прямо. Короче, лететь не отказываюсь, но меня не устраивает ни один из предложенных тобой способов свести счеты с жизнью.

– Шаранг! – выругался Файзулло. – Чего же ты хочешь?!

– Вылет утром. Раз наш разговор состоялся, значит, кому-то обязательно нужно, чтобы истребитель поднялся в космос. Если твои люди выволокли его из какого-нибудь заброшенного ангара, стряхнули песок и подключили стационарное питание, – это еще не значит, что машина готова к старту. Тебя лично устроит, если этот «Фантом» развалится на взлетно-посадочной полосе?

– Нет. – До ганианца, похоже, начал доходить смысл обеспокоенности пленного пилота. – Ты хочешь сам взглянуть на истребитель?

– Не взглянуть, а протестировать все системы, подготовить «Фантом» к старту, иначе ни завтра утром, ни в обозримом будущем машина не оторвется от земли.

– Много говоришь… У меня хорошие техники. Я плачу им деньги!

– Тогда я лучше отправлюсь в пустыню. С верблюдами протяну дольше, – отрезал Таманцев.

Файзулло насупился, размышляя над сложившейся проблемой.

– Ладно… – наконец шумно выдохнул он. – Бежать ты все равно не сможешь. Иди. Тамриз проводит тебя. Справишься хорошо – получишь деньги. Может быть,

тебе и не захочется покидать Ганио.

– Посмотрим, – мрачно ответил Таманцев, стараясь не выходить за рамки выбранной для себя роли.

* * *

Космопорт планеты Ганио имеет гораздо более древнюю историю, чем предполагает официальная версия его возникновения.

Эксплуатирующиеся в современности взлетно-посадочные поля, грузовые терминалы, само здание космического порта действительно построены четыре столетия назад в период экономического расцвета первой Конфедерации Солнц. Несмотря на то что система звезды Халиф никогда не входила в Конфедеративное содружество, исторически являясь независимой, гуманитарная миссия Совета Безопасности Миров вложила немалые деньги в попытку приобщить «Колыбель Раздоров» к плеяде цивилизованных миров.

Таманцев понятия не имел, как в кулуарах большой политики рождаются подобные идеи. Планета Ганио уже тогда печально прославилась как надежное прибежище пиратов, контрабандистов и наемников, причем коренные жители колонии, прошедшие через века регресса, представляли наименьшую опасность, – настоящие проблемы исходили от изгоев, нашедших приют на Ганио. Именно они организовывали тайные стартовые площадки, содержали ремонтные доки и перевалочные базы для различных нелегально ввозимых на планеты содружества грузов. Кланы Ганио лишь получали определенную мзду с теневого оборота, да еще редкие смельчаки из числа ганианцев решались ступить на борт космических кораблей, пополняя разномастные экипажи пиратских судов.

В Совете Безопасности бытовало иное мнение: там было принято считать, что именно кланы стоят у истоков всех проблем, связанных с базирующимися на планете вооруженными формированиями.

Кто-то заработал себе политические имя, возможно, тут оказались замешаны финансовые аферы. Иван, конечно, не знал истины, он видел лишь результат сомнительной «гуманитарной акции»: не входящая в содружество планета

получила современный космический порт. По официальной версии, появление космопорта должно было придать новый качественный импульс межзвездной торговле, проникновение благ цивилизации – изменить образ мышления ганианцев, а на поверку все произошло ровно наоборот. В течение полувека кланы Ганио подмяли под себя все остальные группировки, обложили данью свободных торговцев, пиратство на гиперсферных трассах расцвело с новой силой, а все попытки жестко контролировать космический порт планеты и прилегающую к нему «свободную экономическую зону» с треском провалились.

Таманцев знал о давней истории, но наблюдать последствия захвата Ганиопорта кланами и выдворения отсюда всех специалистов Конфедерации ему представилось впервые.

Сопровождавший его воин по имени Тамриз равнодушно взирал на поваленные секции защитных ограждений, открывшие доступ пескам пустыни на территорию стартопосадочных полей. Для ганианца изменчивый рельеф перемещающихся по воле ветра барханов являлся привычным, заурядным пейзажем. Молчаливого конвоира совершенно не волновали остатки древних сооружений или участки пожелтевшего стеклобетона, которые стали попадаться на глаза километров за десять до современного (также частично разрушенного) периметра космопорта.

Иван же, напротив, обращал пристальное внимание на обнажившиеся из-под песка руины, тем более что ганианец вел его, постоянно забирая вправо, словно конечная цель лежала вне площади выстроенного несколько веков назад комплекса.

По долгу службы Таманцев знал, что планета Ганио была вторично открыта военно-космическими силами Земного Альянса. В период Галактической войны тут располагались ремонтные площадки технических космодромов. Отдавая дань исторической справедливости, нужно отметить, что ганианцы, которых во время войны привлекали для охраны объектов, а некоторых даже обучали управлению ремонтными механизмами, сыграли в послевоенный период значительную роль в разгроме так называемого Космического Халифата.[1 - Космический Халифат образовался в результате захвата шести резервных баз Земного Альянса на планетах скопления Ширана. Завладев базирующейся там техникой, потомки колонистов – выходцев с Ближнего Востока Земли предприняли попытку захвата ряда планет. Подробнее об этих событиях в романе «Последний Рубеж».]

Таманцев еще во время «аудиенции» у Файзулло заподозрил, что «Фантом», которым ему предстоит управлять, сохранился с той далекой поры.

Похоже, он не ошибся.

Пески ганианской пустыни хранят множество тайн. Находясь в постоянном движении, они то приоткрывают вуаль столетий, то вновь погребают под барханами свидетельства былых событий.

Однако этой ночью на помощь силам природы вышла тяжелая техника. Таманцев и Тамриз постепенно приближались к месту настоящих раскопок. Звезды, ярко сияющие на черном, безоблачном небе, начали тускнеть, их серебристый свет вытесняло желтоватое зарево от фар и прожекторов.

Иван попытался заговорить с конвоиром, но ответа не удостоился.

Впрочем, многое было ясно и без комментариев. Пользуясь ночной прохладой и относительным затишьем, ганианцы вывели в пустыню десяток старых, так и оставшихся не у дел почвоукладчиков. Используя бульдозерные ножи, они расчищали фрагмент древней инфраструктуры одной из ремонтных площадок, сохранившейся под песками еще со времен бытности на Ганио сил Земного Альянса. Ступив на желтоватый стеклобетон, Таманцев остановился, окидывая взглядом панораму раскопок. Очевидно, люди кланов знали о существовании древней базы и точном месте ее расположения: расчищенная взлетно-посадочная полоса вела к наклонным створам подземного ангара. Два тягача, преодолевая сопротивление утративших функциональность механизмов, раздвигали бронированные ворота, над пустыней стыл скрежет ломаемого металла, гнусаво завывали двигатели, слышалась бессвязная брань.

На появление Тамриза и Таманцева никто не отреагировал. Охранники, выставленные по периметру расчищенной от песка площади, лишь покосились в их сторону, но, узнав конвоира, почтительно расступились.

– Туда, – на ломаном интеранглийском произнес Тамриз, указывая на сдвинутые по направляющим створы модульных ворот.

Таманцев молча кивнул, продолжая цепко фиксировать взглядом обстановку.

На взлетно-посадочной полосе, перегораживая ее, застыли два почвоукладчика. Оценив дистанцию до ворот подземного ангара, Иван мысленно порадовался бесхитростной предусмотрительности ганианцев. Они заблокировали взлетную полосу, а значит, не станут проявлять излишнего беспокойства, когда он поднимется на борт аэрокосмического истребителя. Пока он и Тамриз шли к пологому, уводящему под пески пандусу, мимо медленно прополз заправщик, доставивший топливо для планетарных и маневровых двигателей.

В ангаре было светло. Сюда загнали два вездехода, осветив древнее помещение при помощи установленных на треногах прожекторов.

«Фантом» застыл в центре разметочного круга. На полу ангара Иван не заметил следов песка, что порадовало пилота. Помещение бункерной зоны на протяжении полутора тысяч лет сохраняло герметичность. По всей видимости, ганианцы не так давно обнаружили место консервационной стоянки истребителя.

– Мне нужно поговорить с техниками, – обратился Таманцев к своему молчаливому спутнику. – Файзулло заверял, что тут работают специалисты.

Тот лишь кивнул в ответ, жестом подозвав двух наемников.

– Что скажете? – без длинных вступлений обратился к ним Таманцев.

Двое техников явно не принадлежали к числу пленников, они работали здесь добровольно, об этом свидетельствовала их одежда, манера держаться, – на Ивана оба смотрели свысока, едва ли не с презрением.

– Ты пилот? – спросил один из них, беззастенчиво оценивая взглядом Таманцева.

Иван кивнул. Сдерживать себя приходилось постоянно.

– Ну, и где тебя откопал Файзулло? – спросил второй.

– Не твое дело, – огрызнулся Иван. – Машину расконсервировали?

Оба техника поначалу опешили, потом в их глазах проявилась ярость. Очевидно, они привыкли к своему привилегированному положению, не гнушаясь пользоваться им. Таманцев наверняка являлся не первым пленником, с которым они сталкивались, и тон капитана совершенно не понравился наемникам.

Чтобы избежать ненужной сейчас конфронтации, Иван тихо шепнул на ухо одному из них:

– Где меня «откопали», не важно. Будем тратить время на препирательства, Файзулло на рассвете зароет вас обоих под ближайшим барханом. Или я не прав?

Техник отшатнулся, словно его ужалила змея, затем, обуздав вспышку ярости, все же ответил:

– Внутрь мы не поднимались. Запустили командные последовательности через порт внешнего доступа. Реактор вроде «дышит». Остальное проверяй сам. Мы не самоубийцы. Машине полторы тысячи лет.

– Доступ в рубку разблокирован?

– Да. Мы ввели технический код. Киберсистема сейчас на полуавтомате, как положено при плановом обслуживании.

– Начинайте подачу топлива для планетарных двигателей. – Иван повернулся, нашел взглядом лесенку из легкого металлокерамического сплава, приставил ее к борту машины и, не размениваясь на дальнейшие словопрения, начал подниматься к люку. – Людей из ангара уберите. И вездеходы. Лишний свет мне не нужен.

– Ты что задумал?

– Тестовую продувку сопел, – не оборачиваясь, ответил Иван. – Кому надоело жить, пусть остаются.

Последние слова потонули в шипении пневматики – люк, расположенный в борту «Фантома», начал открываться.

* * *

Оказавшись в рубке аэрокосмического истребителя времен Галактической войны, Таманцев испытал двоякое чувство. С одной стороны, его взгляд безошибочно угадывал предназначение многочисленных приборов, с другой – каждый сантиметр панелей управления, окружающих пилот-ложемент, казался лишь смутно знакомым. Неимоверная древность машины – родоначальницы многих модификаций современных АКИ класса «Фантом» – заставляла действовать с особой осторожностью.

План Таманцева, сильный своей дерзостью и слабый множеством «если», начал воплощаться в конкретных действиях, как только он, надев скафандр, занял противоперегрузочное кресло.

Тест бортовых систем помог ему окончательно разобраться с приборами. При включенном полуавтоматическом режиме он, как и любой техник, мог отрабатывать лишь определенный набор действий, проверяющих системы, но не ведущих к инициализации стартовых последовательностей.

Код для полного доступа мне, конечно, передадут. Но утром, непосредственно перед началом операции, – подумал он. Скафандр, извлеченный из специальной ниши, казался неудобным и слишком громоздким. Обнадеживало лишь то, что все системы гермоэкипировки включились без задержек и сбоев.

Последние несколько часов Иван действовал холодно, расчетливо, обуздывая чувства, опираясь только на силу воли. Вырваться из плена – вот единственный мотив, руководивший его действиями.

Не будь за плечами Таманцева суровой школы службы в десантных подразделениях и многолетнего опыта пилотирования аэрокосмических истребителей, Файзулло мог бы торжествовать.

Нет, такого удовольствия я ему не доставлю. – Решимость Ивана не имела ничего общего с отчаянием или бравадой, он шел на осознанный риск, потому что любой иной исход, кроме обретения свободы, был для него хуже смерти.

Как любой нормальный человек, он испытывал всю гамму противоречивых чувств, но они не руководили галакткапитаном. Иван никогда не заигрывал со смертью – слишком часто приходилось смотреть в ее пустые глаза, чувствуя на губах холодное прикосновение неизбежности. У каждого свой способ борьбы с липким страхом, Таманцев научился давить его, загонять в глубины подсознания, позволяя своему рассудку в минуты предельной опасности пить ощущения рассчитанного риска, когда каждое действие воспринимается, как некий драйв…

Вот он – заветный текстоглиф[2 - Текстоглифы – специальные символы на клавиатурах (сенсорных, виртуальных), отличающие те «кнопки», что отвечают за запуск часто используемых командных последовательностей.] на панели ввода технических команд.

Тест режима полного ручного управления.

Теперь все в его руках.

Проверка уровня энергооснащенности.

Зарядка накопителей гиперпривода – 90 процентов.

Лазерные зенитные комплексы – энергоснабжение включено.

Двигатели планетарной тяги – окончание процесса заправки через три минуты.

Тест серводвигателей на ручном управлении – отклик получен…

Файзулло может начинать плакать…

Привкус адреналина постепенно проявлялся все четче. Мощный, изящный аэрокосмический истребитель – преданная пилоту горбоносая птица – шевельнул холодными лепестками дюз, имитируя изменение вектора тяги.

Тест пройден.

Ангар уже опустел. Сгореть заживо при продувке сопел желающих не нашлось. Ганианцы были уверены в себе. Боекомплект в находящихся на консервации машинах по регламенту отсутствовал, взлетно-посадочная полоса заблокирована двумя почвоукладчиками, к которым только что подъехал завершивший перекачку топлива заправщик.

Тот, кто привык рисковать жизнью исключительно за деньги, не может правильно оценить таких людей, как Таманцев.

Замки пилот-ложемента сдвинулись в положение «старт».

Иван не включал коммуникатор, не давал предупреждений. Истребитель, будто очнувшись от вековой спячки, вздрогнул, мягко осел на подвеске комбинированного шасси, затем раздался звук блокируемых тормозов, и вдруг ослепительное гудящее пламя вырвалось из дюз планетарной тяги.

В двух километрах от ангара среди пустыни вдруг взметнулись мутные горячие смерчи, тонны песка швырнуло в небеса, обнажая древние технические шахты, по которым из ангара отводилось обжигающее дыхание ожившей машины.

Ганианцы уставились на необычное для пустыни явление – два огненных столба взметнулись на сотни метров ввысь, на лету превращая песок в стекло.

Одна десятая процента маршевой тяги.

Над скошенными крыльями «Фантома» открылись зрачки испускающих трубок курсовых лазерных орудий, полностью скрытых в приливах брони.

Еще один горячий выдох, и вдруг…

Кто-то оцепенел, кто-то истошно заорал, когда на фоне освещенного отсветами пламени прямоугольного въезда в подземный ангар внезапно появился контур аэрокосмического истребителя.

Еще секунда, и лазерные разряды курсовых орудий впились в цистерну заправщика.

Посреди расчищенного от песка древнего участка стартопосадочных полей внезапно расцвел багряно-черный сгусток взрыва, ударная волна тугим валом рванулась во все стороны, сметая препятствия, но истребитель, отработав реверсом двигателей, успел попятиться, скатываясь под защиту уклона пологого пандуса.

Два техника, сбитые с ног взрывной волной, не обращая внимания на вопли и проклятия ганианцев, поднялись, отряхивая песок, неотрывно наблюдая за истребителем, который вновь показался на границе пандуса и расчищенной от препятствий взлетно-посадочной полосы.

Кто-то из наиболее рьяных охранников успел прийти в себя и попытался остановить «Фантом» длинной очередью из импульсной винтовки, но пули лишь рикошетили от брони истребителя, не причиняя машине ни малейшего вреда.

Секунду «Фантом» стоял, озаренный отсветом набирающего силу пламени, рвущегося из турбин планетарных двигателей, а затем, резко сорвавшись с места, начал разгон.

– Фрайг… Говорил тебе, что на нем могут быть установлены лазеры… – выругался один из техников, провожая взглядом древнюю машину, которая уже оторвалась от взлетной полосы и начала резко набирать высоту.

– Файзулло с нас шкуру сдерет… С живых… – угрюмо заметил второй.

– Посмотрим… – Ненавидящий взгляд отыскал в темных небесах яркую точку. – Ему все равно не уйти. Реактор не успеет выйти в режим формирования плазмы.

– Тебе от этого легче? Собьют его на орбитах или нет, нам уже по… – он грязно выругался. – Думай, как теперь отмазываться будем?

– Так кто знал, что он сможет взлететь на ручном управлении?

Их диалог был прерван появлением Тамриза и двух вооруженных охранников.

– Пошли, – хмуро обронил ганианец. – Файзулло желает видеть вас обоих.

* * *

«Фантом», резко набрав высоту, уходил к границе стратосферы. Таманцев не хуже оставшихся на земле техников понимал, что реактор не успеет выйти на необходимую мощность, – для перехода на плазменную тягу не хватало времени, он и так сделал практически невозможное, заставив машину взлететь спустя всего час после отмены консервационного режима.

Планетарного топлива для боевых маневров ему не хватит, но Иван и не рассчитывал затевать рискованную дуэль в районе низких орбит. О несанкционированном взлете истребителя уже наверняка сообщили силам планетарной обороны, и появление перехватчиков – дело нескольких минут.

В финальной части рискованного плана Таманцев уповал лишь на гипердрайв. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что включение гиперпривода в границах стратосферы спровоцирует слепой рывок и полностью истощит бортовой запас энергии, но иного выхода из ситуации не существовало.

Он должен рисковать до конца.

Датчики на панелях управления показывали девяносто пять процентов зарядки гиперпривода. Уже достаточно для прыжка. Нет смысла тянуть, дожидаясь появления перехватчиков противника.

Иван не мог отдать мысленную команду через системы импланта, пришлось тянуться рукой до пульта и касанием сенсора, помеченного соответствующим текстоглифом, запускать командную последовательность для генератора высокой частоты.

Истребитель встряхнуло.

Обзорные экраны внезапно наполнила чернильная тьма, свет в рубке погас, на панелях ручного пилотирования зардели предупреждающие огни включившихся аварийных подсистем: «Фантом», провалившись в аномалию космоса, стал неуправляем, энергии едва хватало для поддержания работы масс-детектора, впрочем, от его показаний проку также не было – совершить управляемый обратный переход Иван не мог, он уповал только на знание законов аномалии космоса, которая сама станет отторгать физический объект с низким

энергетическим потенциалом в область привычного для человека трехмерного континуума.

Гадать, куда именно вышвырнет его гиперсфера, Таманцев даже не пытался.

Расчет капитана, основанный на знаниях в области современной гиперсферной навигации, позволял предположить короткий прыжок, не более чем на полсотни световых лет, а значит, точка обратного перехода будет расположена в границах Обитаемого Космоса.

Ему останется лишь набраться терпения, дать бортовому реактору время на зарядку накопителей энергии, а затем, определившись со звездным окружением, совершить еще один, уже полностью управляемый прыжок на координаты ближайшей системы – любой, лишь бы в ее границах располагалась база ВКС Конфедерации.

* * *

Все сложилось не так.

Таманцев, не отрывавший взгляда от масс-детектора – единственного навигационного прибора, способного работать в условиях аномалии космоса, понял, что его план рушится, – на прорыв метрики трехмерного континуума «Фантом» израсходовал практически всю энергию. Надежда продержаться в аномалии хотя бы пять минут, чтобы уйти в прыжке на достаточное расстояние от системы Ганио, таяла с каждой секундой – гиперсфера не терпела объектов с низкой энергетикой, неизменно отторгая их назад, в «привычный» для человека космос.

Если «Фантом» выбросит в пределы системы Ганио – это верная смерть, учитывая совершенный побег.

Рассудок Таманцева искал выход, и надежда вновь забрезжила, когда он вспомнил о некоторых странностях гиперсферной навигации данного сектора.

Помимо маркированных[3 - Маркированные линии гиперсферы ведут к заранее известным системам. Немаркированные – уводят к неисследованным звездам.]

линий напряженности аномалии, связывающих Ганио с известными звездными системами, существовала еще одна загадочная и бесполезная в практическом плане курсовая нить. На всех навигационных картах она обозначалась слабым едва приметным пунктиром, со знаком опасности, предупреждающим, что данная линия не ведет никуда.

Действительно, в период картографических исследований, продвигаясь вдоль упомянутой горизонтали гиперсферы, автоматы разведки удалялись на десяток световых лет от Ганио, где слабый поток энергии обрывался, рассеивался.

Иван мыслил быстро, логично и последовательно. Для зарядки накопителей ему нужно покинуть систему Ганио, оторваться от любого вероятного преследования, и здесь приходилось использовать знания, полученные человеческой цивилизацией не так давно.

Каждая силовая линия напряженности аномалии не только связывала между собой ближайшие звездные системы, но и могла быть использована в качестве своеобразного гиперпространственного тоннеля. Данное свойство открыли расы логриан и инсектов, создав на основе горизонталей гиперсферы транспортную сеть, связавшую космические поселения логриан со Сферой Дайсона, построенной инсектами, и скоплением О’Хара, где в те далекие времена обитали хараммины – гуманоиды, похожие на людей.

Существовало лишь одно условие, при котором материальный объект мог быть захвачен энергетическим потоком аномалии космоса и продвигаться в нем, не рискуя быть разрушенным, – материальное тело не должно противопоставлять движению энергию собственных силовых установок.

Лишившийся энергии «Фантом» вполне удовлетворял данным условиям, а расстояние в десять-пятнадцать световых лет вполне устраивало Ивана.

Он отыскал в полусфере масс-детектора едва приметную тонкую зеленоватую нить, обозначающую искомую линию напряженности гиперсферы, и, включив двигатели планетарной тяги, начал филигранный маневр вхождения в энергетический поток аномалии.

В итоге истребитель, вместо того чтобы совершить спонтанный переход в метрику трехмерного космоса, был захвачен немаркированной горизонтальной

линией напряженности.

Еще несколько секунд, и маркер машины совместился с дрожащей нитью, начиная движение внутри ведущего в никуда «гипертоннеля».

Таманцев был спокоен, он рассчитал все, но шли минуты, а линия напряженности не обрывалась, напротив, захватив материальное тело, она как будто стала ярче, стабильнее, обрела свойство непрерывности…

Спустя час Иван больше уже не строил иллюзий, машина была прочно захвачена энергетическим потоком новоявленной горизонтали и теперь двигалась в границах естественного гиперпространственного тоннеля.

Ему снова вспомнилось, что насекомоподобные существа расы инсектов не совершали «слепых рывков», они строили свою межзвездную транспортную сеть, внедряясь в существующие линии напряженности аномалии при помощи стационарных порталов, расположенных, как правило, на поверхности планет.[4 - Речь идет о существах с планеты Рай. Подробнее смотри роман «Потерянный Рай».]

Возможно, фрагмент силовой линии был создан искусственно? Так или нет, он скорее всего не узнает. Теперь надежда на то, что гиперсфера отпустит истребитель в границах Обитаемого Космоса, становилась все призрачнее, – шли минуты, а обратный переход не происходил.

Именно так становились невозвращенцами многие колониальные транспорты эпохи Великого Исхода.

Таманцев прекрасно понимал, что, идя на риск, не смог учесть все вероятности, и теперь его истребитель разделит участь сотен пропавших кораблей.

Его охватила дрожь.

Впервые с момента рокового боя в системе безымянной звезды в глазах Ивана появилось выражение медленно растущего ужаса: гиперсфера влекла истребитель, как влечет бурный поток крохотную щепку, надежда на возвращение таяла с каждой минутой, проведенной в пространстве «Великого

Ничто» – так в просторечье именовали аномалию суеверные навигаторы.

На обзорных экранах по-прежнему царил чернильный мрак, уровень зарядки накопителей гипердрайва показывал всего пять процентов от необходимой мощности, – он не мог прервать рокового скольжения, примитивный масс-детектор древнего «Фантома» не был оснащен счетчиком энергоуровней, и оставалось лишь догадываться, чему на самом деле равняется одна минута, проведенная тут.

Горизонталь, в поток которой попал истребитель, оборвалась внезапно, спустя несколько часов томительного, изматывающего ожидания.

Иван увидел, как линия на масс-детекторе расходится тремя нитями гравитационных взаимосвязей неизвестной ему звездной системы, «Фантом», по-прежнему двигаясь в энергетическом потоке аномалии, спонтанно перешел на один из коротких финишных отрезков, и вдруг бледная вспышка обратного перехода осветила темные экраны обзора.

Гиперсфера зло пошутила над пилотом, поставив жирную точку в его рискованном плане бегства с Ганио, – аэрокосмический истребитель с десятипроцентным запасом планетарного топлива отторгло в трехмерный космос в границах стратосферы неизвестной Таманцеву планеты.

* * *

Он падал.

Объятый пламенем «Фантом» едва слушался рулей. Угол входа в атмосферу планеты оказался слишком велик, чтобы Иван успел совершить эффективный маневр торможения на остатках планетарного топлива и перевести машину в режим аварийного планирования.

Астронавигационные рули выламывало из-под пальцев, отключенные автопилоты ничем не могли помочь человеку, даже если бы он сейчас задействовал все кибернетические компоненты системы, участь истребителя все равно была предрешена – двигатели планетарной тяги смолкли тридцать секунд назад, горючего не осталось, реактор показывал лишь пятьдесят процентов

мощности, и рассчитывать на плазменную тягу не приходилось.

Ивану не удалось стабилизировать машину в горизонтальном полете, он сжег остатки топлива в тщетной попытке погасить скорость, и теперь у него оставался только один выход – катапультироваться.

«Фантом» ярким болидом пронзал плотные слои атмосферы, внизу простирался сплошной облачный покров, броня корпуса пока держалась, но внешние датчики сгорали один за другим.

Бороться до конца, никогда не сдаваясь, – так учила его жизнь, но сейчас глухая тоска сжала сердце. Он ощутил безысходность. Что толку в катапультировании над мертвым, непригодным для жизни миром? На что он надеялся, до последнего оставаясь в рубке, рискуя промедлить до того момента, когда начнут размягчаться бронеплиты корпуса и система катапультирования попросту не сможет сбросить бронепокрытие?

Облака расступились внезапно. «Фантом» к этому моменту снизился до пяти километров, экраны внешнего обзора гасли, и все же он увидел внизу, среди темноты (падение машины происходило над ночной стороной планеты), яркую россыпь расположенных концентрическими кругами огней, а чуть дальше, словно два изломанных крыла исполинской огненной птицы, две линии освещенного пространства, протянувшиеся на несколько десятков километров, словно под днищем машины промелькнула линия титанических, защищающих город укреплений.

Рука машинально рванула рычаг катапультирования.

Истребитель, снижаясь, успел пересечь линию огней и удалиться на несколько сот километров от нее, прежде чем закрывавшие рубку бронеплиты были сброшены, и удар аварийно-спасательной катапульты швырнул закрытый амортизационными дугами пилот-ложемент в ночные небеса неведомой планеты.

Таманцев не потерял сознания от перегрузки, и помутившемуся взору Ивана открылась картина, которую видели немногие из пилотов: «Фантом», распадаясь на части, уходил к земле объятыми пламенем раскаленными фрагментами, а он, падая вслед обломкам машины, вдруг ощутил резкую перегрузку: включились,

сжигая собственный запас топлива, посадочные двигатели ложемента, затем резкий рывок – и смена динамических нагрузок возвестила об успешном срабатывании парашютной системы. Внизу раскатисто ударило несколько взрывов, земля приближалась стремительно, в ночи среди бескрайнего лесного массива полыхали деревья, подожженные упавшими обломками машины, а Таманцев, еще не веря в невероятное стечение обстоятельств, мысленно молил лишь об одном: пусть огни, расположенные геометрически выверенными окружностями, действительно окажутся городом, а не природным явлением или хуже того – предсмертной игрой воображения.

Мысли погасил жесткий удар: ложемент пробил раскидистые кроны деревьев, полотнища парашютов не выдержали, с треском и хлесткими, перерубающими ветви ударами полопались стропы, отпуская заключенное в амортизационный каркас кресло пилота.

Глухо хлюпнуло, вздыбилось пологими волнами небольшое болотце, словно под покровом оранжевого мха перекатывались мускулы, ложемент погрузился в мутную жижу примерно наполовину и, покачнувшись, застыл.

Момент окончательного падения помнился смутно.

Таманцев очнулся уже в болоте, страховочные ремни автоматически расстегнулись, он сполз с кресла, окунувшись в бурую жижу. Болотце оказалось неглубоким, ноги сразу почувствовали дно, амортизационные дуги каркаса исправно разомкнулись, но Иван инстинктивно постарался отползти подальше – сейчас главное не повредить скафандр…

Выбравшись на сухой участок, поросший тонкими, чахлыми деревцами, он позволил отработать системе жизнеобеспечения: несколько уколов в шею привели его в чувство, зрение прояснилось, но все же пережитый шок, перегрузки, динамические удары при раскрытии парашютов и падении сквозь кроны – еще некоторое время давали о себе знать. Он сидел на подстилке из оранжевого, испятнанного бурыми вкраплениями мха и постепенно приходил в себя. Вокруг плясали изломанные, гротескные тени, в ночи раздавался гул и сухое потрескивание. В сотне метров от него бушевал пожар, разделенный небольшими болотцами на десяток крупных очагов. Тени, что плясали вокруг, то укорачиваясь, то удлиняясь, отбрасывали растущие на болоте деревья с мощными стволами и объемными шарообразными кронами. Их листья, похожие на тонкую, острую осоку, свисали почти до самой земли. В свете пожара деревья

выглядели словно подставки в супермаркете, на которые надеты парики…

Некоторое время Иван провел в прострации, потом, когда действие стимулятора прокатилось горячей волной по мышцам, заставив их сокращаться в бесконтрольной дрожи, он наконец поверил, что спасся, пережил крушение и действительно сидит на покрытом чахлой растительностью бугорке, среди бушующего пожара, объятых огнем деревьев и шипящих, истекающих паром заболоченных низин.

Ветра практически не было, дым поднимался вертикально вверх, не скапливаясь у земли, вокруг было светло как днем, лишь плясали тени, да из тьмы, что сгущалась метрах в двухстах по окружности, доносились жутковатые звуки.

Огня Иван не опасался, рядом располагалось множество неглубоких водоемов, если деревья не выдержат и начнут падать, он всегда может нырнуть, переждав некоторое время под слоем бурой илистой жижи. Бежать от пожара, учитывая, что он сейчас находился в центре очагов возгорания, не показалось ему разумным. Огонь, набирая силу, начнет распространяться во все стороны, проще выждать некоторое время тут, а затем двигаться по выгоревшим участкам, не убегая от огня, а следуя за ним…

Несколько мгновений спустя Иван понял, что не один он такой умный. Из причудливой сетки теней внезапно материализовалось мощное, тяжеловесное животное, оно двигалось на четырех кривых, будто вывернутых в суставах лапах. Огромная голова с маленькими глазками и огромной разинутой пастью показалась ему отвратительной и жуткой.

Заметив человека, животное взревело.

Иван не стал дожидаться его дальнейших действий – любой скафандр боевой модификации оснащался не только комплектами выживания, но и личным оружием. Таманцев предпочел не рисковать: выхватив импульсный пистолет, исправность которого проверял еще перед самым стартом, он мгновенно перевел вариатор типа боеприпасов в положение «бронебойный» и выстрелил несколько раз подряд, целясь в голову животного, обезумевшего от полыхающего рядом огня.

Огромная туша, весом никак не меньше нескольких центнеров, сначала поднялась на дыбы, огласив окрестности громоподобным ревом, а затем рухнула в небольшое болотце, сотрясаясь в конвульсиях.

Таманцев медленно опустил оружие. Некоторое время он опасался, что животное сейчас поднимется, настолько огромным и мощным оно выглядело, но, похоже, бронебойные пули все же прикончили его.

Хотелось вытереть выступившие на лбу капельки пота, но мешал гермошлем.

Через некоторое время пожар пошел на убыль, видимо, дальше также простиралась заболоченная местность, не давшая распространяться огню.

Он встал, сканируя окрестности. Пятна тепловой засветки сильно мешали работе систем обнаружения, но, кроме них и туши убитого животного, зафиксировать другие очаги тепла ему не удалось. Если тут и обитали иные представители животного мира планеты, они поспешили убраться от места падения обломков истребителя, напуганные катастрофой и вспыхнувшим за нею пожаром.

* * *

Его новая жизнь началась. Нечего было стоять, глядя на угасающий, теряющий ярость стихийного бедствия огонь. Проверив целостность гермоэкипировки, Иван приступил к обязательным, не терпящим отлагательств процедурам: взяв пробы воды и воздуха (анализаторы скафандра были рассчитаны на отсеивание продуктов горения), он подошел к туше убитого животного и взял образцы его тканей.

Теперь системе биоанализаторов работы хватит на несколько часов.

Дым постепенно рассеивался, и, запрокинув голову, Таманцев сумел разглядеть клочок ясного неба с незнакомым рисунком созвездий.

Видеокамеры шлема, оснащенного системой БСК,[5 - БСК – боевой сканирующий комплекс.] автоматически перенесли рисунок расположения звезд в память, затем Иван сориентировался по расположению обломков истребителя, определив направление на замеченный с высоты город. Теперь у него появилась

привязка к находившимся в зените звездам; когда встанет солнце, он определится со сторонами света и сможет, проводя постоянные наблюдения за движением светила, начинать путь. Главное – не потерять нужное направление. Для этого он решил дождаться восхода солнца, не покидая места крушения.

В остальном, как только он получит надежные ориентиры, следует поторопиться, автономного запаса энергии в скафандре хватит суток на трое, не больше, а пройти ему предстоит около четырехсот километров, по самым скромным подсчетам.

Если идти на стимуляторах, не тратя время на сон, то энергии должно хватить. Задача по преодолению большого расстояния осложнялась тем, что истребитель упал в лесистой местности. Находясь в условиях равнины, Иван задействовал бы систему автоматического движения к цели,[6 - Автомат движения встраивается в каждый скафандр, оснащенный сервоусилителями мускулатуры. Может самостоятельно поддерживать равновесие и совершать тактовые наборы движений, соответствующие шагу. Автомат способен самообучаться, подстраиваясь под индивидуальные особенности ходьбы человека.] позволив себе периодически отдыхать, но лес перечеркивал такую возможность, – стоит только задремать – уткнешься в дерево, автомат огибания препятствий в системе гермоэкипировки стоял самый примитивный.

Глава 2

Неизвестная планета.

Третьи сутки после крушения истребителя…

Ранним утром третьего дня в бледных сумерках занимающегося рассвета Таманцев вышел к удивительным местам. Еще издали микрофоны скафандра уловили непонятный, монотонный шум. Иван остановился, прислушиваясь к звукам, но сумел определить лишь общее направление на их источник.

Деревья еще казались темными, но в прорехах раскидистых крон уже виднелось светлеющее небо. Скоро взойдет солнце, а пока в лесу воцарилась тишина, от которой, казалось, звенит воздух. Лишь изредка раздавались резкие, тревожащие воображение звуки, потом опять все стихало, лишь монотонный шум становился то явственнее, то глуше.

Таманцев чувствовал себя уставшим, измотанным, – трое суток он шел без сна, на одних стимуляторах, но цель оставалась так же неопределенно далека, как и в начале пути, к тому же ресурс автономных систем жизнеобеспечения подходил к концу, – вскоре ему придется открыть забрало гермошлема, вдохнуть воздух планеты, пить воду из ручьев, добывать себе пищу. Мысли об этом не давали покоя, смешиваясь с ощущениями текущего момента.

Произведенные анализы образцов воздуха, воды и тканей животного, подстреленного на месте крушения истребителя, внушали некоторую долю оптимизма: используя метаболический имплант, он продержится еще как минимум пару недель. Вопрос в том, успеет ли организм за столь короткий промежуток времени получить от микромашин метаболического импланта необходимые для иммунной системы синтезированные вещества, выработает ли на их основе антитела, способные бороться с местными возбудителями болезней?

А существовал ли у него выбор?

Если продержусь хотя бы месяц – выживу, – подумал Иван в ответ на терзавшие рассудок сомнения. Загадывать дальше не приходилось.

…Привлекший его внимание шум постепенно приближался. Небо светлело, деревья с мощными стволами и плакучими кронами уступили место кустарниковым зарослям, тревожащие звуки ночных животных сменило пение птиц. Если б не свинцовая усталость, он бы, наверное, остановился, чтобы прислушаться к необыкновенно красивым, мелодичным трелям обитателей кустарниковых зарослей, но рассудок продолжал измерять реальность ощущениями враждебности, смертельной опасности, и Таманцев даже не сбавил темп шагов, стремясь поскорее выяснить источник насторожившего его звука.

Поначалу Иван предположил, что слышит отзвук работы какого-то механизма, но затем засомневался: признаки цивилизации он, конечно, видел, но до города и

странной освещенной полосы, похожей на укрепления, еще далеко – в неудобном древнем скафандре он сумел преодолеть лишь полторы сотни километров.

Да и звук не похож на обычный рокот механизма. В нем слышалась монотонность, не было цикличности, каких-то тактов работы…

Устав гадать, Таманцев прибавил шаг. Звериная тропа, которой он придерживался на протяжении последних часов пути, внезапно пошла под уклон, заросли кустарников смыкались вокруг, образуя неплотный шатер крон, первые лучи восходящего светила уже пробивались сквозь листву – необычайно красивое зрелище, непривычное взгляду жителя мегаполиса.

Вообще события последних дней открыли для Таманцева совершенно новый, незнакомый мир. Речь шла не о планете, а скорее о самом термине «природа». Раньше он никогда не встречал рассвет в лесу, личный опыт урезал многие понятия до рамок лесопарковых зон, аккуратно подстриженных газонов, – теперь же окультуренная биосфера густонаселенных планет выглядела на фоне диких зарослей чуть ли не декоративной подделкой.

Конечно, Иван бывал во многих колониях, где цивилизация еще не успела оставить столь глубокого оттиска техносферы, как в Центральных Мирах, но много ли почувствуешь, познаешь, проносясь над поверхностью со сверхзвуковой скоростью, под прикрытием брони истребителя, да и во время боевых вылетов не до природы было…

Подтверждение своим мыслям он получил, пройдя еще сотню метров по раскисшей от обилия влаги тропе, которая внезапно вывела его на неширокую полоску галечного пляжа, расположенного между лесным озером и крутым, почти отвесным склоном, сложенным выходом известняковых пород.

Далеко вверху на фоне зари угадывались деревья и кустарники, а в обнажившемся срезе известняка виднелись похожие на миниатюрные ущелья вымоины, из которых с шумом низвергались десятками, если не сотнями небольших водопадов родниковые воды, питающие лесное озеро.

Иван остановился.

Звук воды, падающей с разных высот, заглушал все иные проявления окружающего. Таманцев присел на скользкую известняковую плиту, покрытую тонким слоем зеленоватых водорослей, чувствуя, что нужно сделать передышку, – действие стимуляторов не бесконечно, да и не хотелось вставать, рваться куда-то, – до мегаполиса, замеченного при снижении, на автономном ресурсе скафандра уже точно не дойти, энергия накопителя практически иссякла, и вскоре сервомускулатура гермоэкипировки больше не будет помогать ему, напротив, спасительные защитные оболочки станут обузой.

Он взглянул на тускло рдеющий индикатор питания, расположенный на ободе забрала гермошлема, затем медленно поднял руку, ощущая свинцовую тяжесть прилагаемого мышцами усилия.

Все. Дальше тянуть бессмысленно. Со скафандром пора расставаться, если он, конечно, не хочет тащить на себе около центнера брони, сервосистем и прочих устройств ради того, чтобы еще некоторое время дышать автономным запасом воздуха.

К сожалению, конструкция древнего боевого скафандра не предполагала демонтаж отдельных составляющих экипировки.

Таманцев поднял руку и коснулся сенсора.

Звук сервомоторов он не слышал, лишь почувствовал легкую вибрацию, когда забрало гермошлема сошло с замков, освободилось от соединения с уплотнителями и плавно скользнуло вверх.

Оглушающие ощущения обрушились на него со всех сторон.

Первый вдох принес незнакомые запахи, волна свежего, наполненного мельчайшими брызгами воды воздуха омыла лицо, звуки стали четче, рассыпаясь разными тональностями шума, которые микрофоны скафандра отсеивали, как помехи.

Произошедшие перемены оказались столь значительными, что Иван некоторое время сидел, прислушиваясь к собственным ощущениям, затем, стряхнув наваждение, встал, освобождаясь от давящего веса скафандра.

Оставшись в прочном летном комбинезоне, оснащенном собственной системой терморегуляции, он вскрыл метаболический имплант, аккуратно закрепил его на предплечье, позволив тонким иглам пройти сквозь ткань и вонзиться под кожу, дождался тонкого звука индикационного сигнала, означающего, что теперь аппарат поддержания жизни участвует в циркуляции крови, контролируя ее биохимический состав, и только после этого позволил себе вновь осмотреться по сторонам.

Мир изменился. Он уже никогда не станет прежним – чужим, существующим по ту сторону проекционного забрала гермошлема, теперь Иван дышал воздухом планеты, чувствовал бодрящую свежесть раннего утра, тревога, давившая не меньше, чем увеличивавшийся с каждым шагом вес экипировки, вдруг отступила, и Таманцев пошел по скользким от обилия мельчайших водорослей известняковым плитам к ближайшему выточенному падением воды каменному бассейну.

Родниковые водопады оправдали его надежду: анализатор показал, что вода содержит безопасные минеральные примеси, ее можно пить и набрать впрок, но сначала Иван умылся, чувствуя, как ледяная влага смывает усталость, возвращает силы, дарит надежду, словно падающие, разбивающиеся хрустальными брызгами струи шептали: «Ты теперь наш…»

…Пока он умывался и наполнял две фляги, солнце успело подняться над вершинами деревьев, зеркальная гладь лесного озера отражала лучи, две птицы с темно-зеленым оперением опустились на воду и поплыли вдоль берега, не обращая внимания на человека.

Шум падающей воды начал утомлять, Иван ощущал острую необходимость в отдыхе, теперь идти к цели на пределе сил уже не казалось разумным и необходимым.

Он спустился к озеру, прошел вдоль берега, пока не отыскал небольшую мшистую полянку, незаметно переходящую в песчаный пляж.

Через минуту, освободившись от веса экипировки, он сидел, слушая тишину.

Руки Ивана, бессильно опушенные, говорили о крайней степени усталости.

Природа оглушала. Свежий воздух, напоенный ароматами листвы, такой нежной, такой прозрачной, будто сияющей в лучах оторвавшегося от горизонта солнца, еще вызывал рефлекторное опасение при каждом вдохе, щебет птиц постепенно выделялся из оглушающей тишины: вокруг, подчиняясь своим законам, жила природа, ей не было никакого дела до человека, одиноко и настороженно внимающего ее проявлениям.

Вот мимо пролетела стремительная, гомонящая на разные голоса стайка птиц, одна из птах задержалась у ближайшего дерева, едва слышно прошелестела листва, когда юркое маленькое существо нырнуло в гущу кроны, и через мгновение звонкая трель окончательно разрушила иллюзию тишины; Иван поднял голову, осмотрелся, словно впервые увидел окружающий мир.

Утренний воздух, сладкий, кажущийся тягучим от обилия запахов, вливался в грудь, не вызывая тревожных симптомов, дышалось легко и спокойно. Иван позволил себе расслабиться, лечь на податливую подстилку пружинящего мха и почти тотчас провалился в глубокий сон…

…Проснулся он лишь на рассвете следующего дня, ощущая себя полностью отдохнувшим, будто не было трех суток изматывающего пути и чрезмерного злоупотребления стимуляторами.

Есть не хотелось. Он сходил к источникам, умылся и начал собираться в дорогу, пока солнце находилось точно на востоке.

* * *

К исходу пятых суток с момента крушения истребителя Таманцев почувствовал: с ним творится что-то неладное.

Метаболический имплант, судя по показаниям примитивной индикационной вставки, функционировал исправно, питался Иван исключительно пищевыми концентратами из неприкосновенного запаса, воду он набрал из родниковых водопадов, к тому же дополнительно очистил ее, – все меры предосторожности были соблюдены, но все же непонятное недомогание росло, он чувствовал себя все хуже, временами изменяло зрение, ноги начинали подкашиваться, приходилось делать остановки, но после отдыха встать и идти дальше с каждым

разом становилось все труднее.

Попадись ему сейчас на пути какой-нибудь крупный хищник, и трудное странствие вполне могло окончиться…

Сознание плыло. Приступы полной дезориентации происходили все чаще, рассудок словно отключался. Иван продолжал видеть, слышать, но не мог осмыслить получаемую через органы чувств информацию.

Он потерял ощущение времени, направления, пройденного расстояния, забыл, куда и зачем идет, потом в приступе внезапного удушья сорвал дыхательную маску, зачем-то машинально сбросил с предплечья метаболический имплант, прошел еще с десяток шагов и наконец упал, споткнувшись обо что-то, выступающее из-под земли.

Кружилась голова. Он не мог сфокусировать взгляд, все расплывалось перед глазами, хотелось пить, но не осталось сил даже шевельнуть рукой, дотянуться до фляги…

Только не так… Я не хочу умирать безвольно…

Последняя мысль перед погружением в вязкий мрак.

* * *

Очнулся Таманцев на рассвете, вот только какого дня с момента крушения истребителя?

Он лежал на спине, мягкая подстилка красноватого мха успела спрессоваться под весом тела, в спину больно упирались выступающие корни деревьев, чьи кроны нависали над Иваном, образуя непроницаемый шатер листвы.

Слабость и ломота в затекших мышцах на фоне прояснившегося рассудка воспринимались как признак долгой неподвижности.

Таманцев смутно помнил, что происходило с ним перед потерей сознания.

Он с трудом приподнялся, настороженно огляделся вокруг. Внутри поселилось чувство тревоги, непонятной агрессивности к окружающему. Он не мог сказать, что ощущает опасность, чувство было сродни скверному расположению духа, когда требуется выплеснуть эмоции, словно организм безостановочно вырабатывал биохимические стимуляторы, нагнетая внутреннее напряжение.

Бесконтрольная дрожь в мышцах только подтвердила промелькнувшую догадку.

Таманцев попытался взять себя в руки, но безуспешно, – в памяти, как назло, всплывали самые страшные и отчаянные эпизоды из прошлого, чувство тревоги росло, становилось глобальным, поглощающим разум, парализующим способность мыслить здраво.

Он опять не контролировал собственные действия, вспышка беспочвенной ярости овладела им, подняла на ноги, заставив озираться вокруг.

Место, где он оказался, действительно могло внушить тревогу: он очнулся на краю обширной поляны, затянутой красновато-бурым, будто окропленным кровью мхом, из-под которого, словно ребра скелета исполинского животного, торчали изгибающиеся, потускневшие от времени балки металлопластикового каркаса.

Бугристая поверхность открытого пространства принимала зловещие очертания. Таманцев не галлюцинировал: тонкий слой мха обволакивал нечто, лежащее на твердой поверхности: местами бугристые, рельефные контуры принимали отчетливый вид застывших в разных позах человеческих фигур…

Мышцы дрожали все сильнее, по телу пробежала ледяная испарина, обострившееся зрение фиксировало все новые и новые детали: мягкие контуры брошенных предметов, завалы контейнеров, покрытых вскарабкавшимся и на вертикальные поверхности мхом, вдали, за изогнутыми, вздымающимися на сотни метров «ребрами», застыло нечто, похожее на дискообразный корпус космического аппарата с различимыми даже на таком расстоянии выступами надстроек…

…Солнце уже оторвалось от линии горизонта, его лучи, пройдя сквозь кроны обрамлявших огромную поляну деревьев, соткали причудливую игру света и тени: казалось, что поверхность мха зашевелилась, а заключенные под ней тела

начинают распрямляться, двигаться, стремясь встать.

Разум Ивана погружался в чудовищную действительность, как в омут.

Ему было страшно. Впервые в жизни он испытывал глобальный, неподконтрольный рассудку, всепоглощающий ужас, не понимая, что происходит.

Внезапно поднялся ветер. Он дул странно, локальными порывами, пласты мха поднимались в разных местах, на миг обнажая скрывающиеся под ними тусклые фрагменты металлопластика…

Таманцев машинально выхватил оружие. Ему внезапно показалось, что вся поляна от края до края полнится движением призрачных фигур, один из зловещих красноватых контуров, сотканный как будто из света и воздуха, несся прямо на него, и Иван, не выдержав, выстрелил.

Пуля прошила пустоту, наискось ударила в землю, вырвала клочок красноватого мха и с визгом ушла в рикошет от твердой поверхности.

Порывы «ветра» моментально стихли, призрачные фигуры истаяли, только пронесся протяжный, разочарованный стон, помутилось в глазах, а когда странная пелена рассеялась, Таманцев медленно опустился на колени, не в силах сопротивляться внезапной, неодолимой усталости.

Бред…

Под ладонями податливо проминался мох.

Иван с трудом перевалился набок, сел, хотел смахнуть выступившие на лбу капли пота и вдруг увидел, что ладонь испачкана… кровью.

Таманцев несколько секунд смотрел на липкое пятно, потом перевел взгляд на отпечаток ладони и заметил чуть дальше характерные, вытянутые в направлении стремительного движения, разлетевшиеся мелкими брызгами капельки крови.

В том месте, куда ударила пуля, в лучах восходящего солнца тускло поблескивал фрагмент обнажившейся глянцевитой поверхности.

Что он мог противопоставить предлагаемой действительности?

Только здравый смысл, если хотел сохранить рассудок. Приступ тревожного состояния усиливался, но Таманцев знал, как следует бороться с подобными недугами. Превозмогая все дурные ощущения, он встал, сказав себе: я в порядке.

Никакой мистики он не признавал, и капли крови отчасти подтверждали правоту такой позиции.

Если мимо него минуту назад пронеслось около сотни таинственных существ, то кажущаяся «невидимость» являлась скорее всего природным средством маскировки, не более того.

Первое, что сделал Иван: обозначил фрагмент мха, испачканного кровью. Затем, вопреки головокружению и слабости, встал, с намерением исследовать огромную поляну, простершуюся среди бескрайнего лесного массива.

Подойдя к ближайшему бугру, имеющему неприятно-мягкие контуры скорчившейся человеческой фигуры, он подрезал мох десантным ножом, обратив внимание на то, что лезвие, как перед этим и пуля, встретило на небольшой глубине твердую поверхность, затем одним резким, решительным движением поднял несколько квадратных метров упругого растительного покрова.

Под пластом мха обнажилась остекленевшая, спекшаяся в монолит поверхность; подобному воздействию обычно подвержены песчаные виды почв, раскаленные огнем планетарных двигателей крупного космического корабля.

На остекленевшей поверхности, поджав ноги с перебитыми сервоприводами, скорчившись, лежал человекоподобный механизм. Иван с первого взгляда определил, что перед ним серийная модель андроида «Хьюго-БД12», которыми комплектовалось большинство колониальных транспортов эпохи Великого Исхода.

От увиденного стало если не легче на душе, то понятнее для рассудка. Теперь дискообразный аппарат, видневшийся на удалении в километр, и исполинские ребра каркаса, торчащие из остекленевшей почвы, находили логическое объяснение. Перед Таманцевым простиралось место посадки колониального транспорта, причем не разбившегося, а успешно доставившего колонистов и груз на поверхность планеты.

Будь по-другому, он бы увидел сейчас расколотую, покосившуюся сферу криогенно-грузового модуля, внутри которой располагались залы низкотемпературного сна и транспортные отсеки с планетарной техникой, однако взгляд находил лишь ребра жесткости каркаса, оставшиеся от корпуса отделяемой части космического корабля, – значит, высадка, пробуждение колонистов и разгрузка механизмов прошли успешно.

Обычно материал обшивки сразу же шел в дело, на сооружение временного защитного периметра, внутри которого возводились постройки первичного поселения.

Знаменитые Цоколи[7 - Цокольный этаж мегаполиса. Сразу после посадки колониального транспорта на планету начинает свою работу планетопреобразующая и строительная техника. На месте посадки (стерилизованной от исконных форм жизни колонизируемой планеты) начинается строительство Цоколя – многокилометрового основания будущего города. Внутри Цоколя располагаются системы жизнеобеспечения, реактор, очистные сооружения, цеха по производству необходимых для дальнейшего строительства машин и материалов.Пробуждение людей начинается после завершения работ по возведению Цоколя.Известен целый ряд планет, где при успешно возведенном Цоколе пробуждение колонистов так и не состоялось. Есть примеры частичного выполнения запланированных работ с тем же трагичным исходом.] возводились машинами в стороне от зоны посадки, а для постройки фундамента мегаполиса кибернетические механизмы использовали ресурсы, добытые уже в колонии.

Иван снова вернулся взглядом к андроиду. Перебитые конечности сервомеханизма пострадали от выстрелов из огнестрельного оружия.

Слишком мало информации, чтобы делать выводы. Таманцев уже понял, что спустя некоторое время после посадки произошли какие-то трагические события, но что явилось их причиной, еще предстояло узнать. В любом случае,

надежда вновь затеплилась в его душе. Он видел огни города, красноречиво свидетельствовавшие, что колония состоялась. Удаленность существующего в современности поселения от места исторической посадки колониального транспорта – дело обычное.

Он услышал шорох, огляделся и вновь почувствовал прикосновение дрожи.

Иван не мог объяснить реакцию своего подсознания на отдельные проявления действительности. Он никогда не считал себя трусом, хотя и безрассудную храбрость к разряду добродетелей не относил. Таманцев не мог понять – чем его сегодняшнее положение отличается от десятков схожих ситуаций, в которые приходилось попадать в бытность офицером космического десанта?

Потерял форму, капитан, – мысленно укорил себя он, направляясь к древним пластиковым контейнерам, штабелированным неподалеку от разобранной сферы колониального транспорта.

Ветра не было, но по кронам деревьев, окружавших огромную поляну плотной, молчаливой стеной, то и дело пробегали короткие, хорошо различимые порывы, будто десятки незримых для глаза существ перемещались в гуще тонких, свисающих до самой земли ветвей.

Приступы дурноты и бессилия больше не повторялись, слабость постепенно отпустила мышцы, но тревога не покидала его: сердце как будто сжималось от неведомой тоски, что-то царапало душу, странные, болезненные, настораживающие эманации настигали его, словно волны, как будто он двигался в полосе сильного ментального воздействия…

Будь на планете колония инсектов, он бы понял подобное состояние: разумные насекомые владели врожденным даром телепатии, но Таманцев в свое время прошел специальную подготовку и с легкостью узнал бы характерное воздействие ментального поля муравейника…

Здесь что-то не так. Инсекты ни при чем. – Иван добрался до ящиков и убедился, что те ничуть не пострадали от времени, разве что в местах, где мох плотно прилегал к не подверженному тлену материалу контейнеров, пластик прибрел белесую окраску…

Маркировки читались с трудом. Некоторое время он пытливо разбирал буквы, не желая тратить время и силы на вскрытие кофров с бесполезным для него имуществом.

Наконец во втором ряду (считая сверху) ему удалось найти четкую поясняющую надпись: «Средства индивидуального жизнеобеспечения и защиты».

Четверть часа понадобилось Ивану, чтобы вытащить герметичный кофр из штабеля, затем пришлось изрядно повозиться, вскрывая замки и поднимая крышку, «прикипевшую» на резиновых уплотнителях, но в конце концов усилия Таманцева были вознаграждены: открыв контейнер, он обнаружил внутри два комплекта полной гермоэкипировки, оружие, автоматические аптечки, неприкосновенный запас пищевых концентратов и химических реагентов, очищающих воду.

Теперь точно дойду до города. Он заметно приободрился. Среди найденного полевого оборудования оказалось несколько комплексных анализаторов, одна беда – элементы питания во всех приборах разряжены. На такой случай предусматривались химические батареи, в которых после снятия предохранителя смешивались вещества, и устройства зарядки от солнечной энергии.

Небо было безоблачным, Иван развернул две установки солнечных батарей, вставив в специальные гнезда разряженные накопители, а сам занялся подбором экипировки.

Изредка со стороны леса раздавался тревожащий шелест, но Иван, не теряя бдительности, мысленно запретил себе сосредотачиваться на звуках, придавая им чрезмерное значение: он опасался спровоцировать новый приступ необъяснимой тревоги и ярости, потому ограничился тем, что держал «Гюрзу» под рукой.

Гермокостюмы, извлеченные из кофра, он отложил в сторону. Пользоваться гермоэкипировкой после того, как дышал воздухом планеты и пил здешнюю воду, показалось ему перестраховкой. Только будут стеснять движения, – подумал он.

Иван остановил свой выбор на легком металлокевларовом бронежилете, шлеме со встроенным сканирующим комплексом, затем извлек на свет «АРГ-8» – штурмовую винтовку времен Великого Исхода, использующую патрон с химическим зарядом. Мощное, достаточно неприхотливое в обращении оружие, требующее определенного навыка стрельбы. Таманцев хорошо знал устройство стрелковых вооружений такого типа: ощутимая отдача, повышенная шумность, дополнительный вес боеприпасов – конечно, минусы, но в его положении выбирать не приходилось, до города, по самым оптимистичным прогнозам, еще сотни две километров, а местные формы жизни (к которым он мысленно причислил загадочных существ, маскирующихся под порывы ветра) грозили стать настоящей проблемой.

Пока он разбирал содержимое контейнера, батареи немного подзарядились, и Таманцев, вернувшись к обозначенному участку мха, поместил образец, запятнанный кровью, в комплексный анализатор.

Оставив прибор работать, он извлек из контейнера два тяжелых автоматических пистолета, в схеме которых не использовались элементы питания, зарядил их и направился к основному модулю колониального транспорта – тому самому дискообразному космическому аппарату, что застыл в километре от разобранной транспортной сферы.

Здесь его постигло разочарование. От модуля, в котором располагался гиперпривод, главный бортовой компьютер, системы навигации и связи, осталась только пустая, гулкая оболочка. Все оборудование было тщательно демонтировано и вывезено.

Вернувшись, он посмотрел на показания анализатора и оторопел.

Кровь загадочного существа по своему биохимическому составу оказалась близка… к человеческой!

* * *

Таманцев не знал, что ему думать, как отнестись к внезапно сделанному открытию, граничащему с непонятным, почти мистическим явлением.

Существо, в которое он инстинктивно выстрелил, казалось Ивану сотканным из локальных завихрений воздуха, – еще когда на красноватый мох брызнула кровь, он с трудом поверил собственным глазам, теперь же ему ничего не оставалось, кроме как признать: эфемерные создания на самом деле материальны, они состоят из плоти и крови, более того – призрачные существа имеют прямое (или все же косвенное?) отношение к людям!..

Могла ли биосфера планеты столь радикально изменить кожные покровы человека, чтобы потомки колонистов в энном поколении приобрели способность к абсолютной мимикрии?[8 - Мимикрия – свойство некоторых животных и растений маскироваться под окружающий фон.]

Теоретически, конечно, подобное нельзя исключить, – во время службы в космическом десанте Иван много раз убеждался в том, как сильно видоизменяли людей условия выживания на той или иной планете, но все же рассудок Таманцева не был готов к подобному обороту событий.

Возможно, более тщательное исследование места посадки колониального транспорта сможет дать ответ на возникшие вопросы?

Его терзали сомнения. Он попал в данный мир случайно, не как ученый или исследователь. До последнего момента цель, которую он преследовал, была ясна: выжить, добраться до замеченного при снижении города, а там…

Он оглянулся, вновь услышав шелест.

Ветви ближайшего дерева гнулись, трещали, словно их трепало ураганом.

Иван не испугался, но здравый смысл предостерегал его от излишней предприимчивости. Попав в город, он наверняка получит ответ на многие вопросы, – решать же загадки местной эволюции, находясь в далеко не завидном положении, было бы самым настоящим безрассудством.

Обдумав ситуацию, он принял решение двигаться дальше, стараясь вести себя более осторожно – причинять вред местным существам не следовало без веской на то причины.

* * *

Исследовать часть периметра огромной поляны ему все же пришлось. Обрамляющие поросшее мхом пространство заросли выглядели плотными, практически непроходимыми, следовало отыскать звериную тропу, ведущую в нужном направлении.

Среди прочего оборудования Иван нашел во вскрытом контейнере электронный бинокль, с помощью которого он смог осмотреть интересующий его участок леса, не приближаясь к молчаливой стене деревьев.

В нескольких местах действительно обнаружились звериные тропы, но внимание Таманцева привлекла к себе широкая просека, – деревья в одном месте как будто расступались, хотя следов вырубки заметно не было.

Просека совпадала с приблизительным направлением на город, и Иван решил проверить, насколько далеко она углубляется в лес.

Уж не дорога ли это, проложенная от места посадки колониального транспорта к будущему поселению? – промелькнула в голове мысль.

Он не ошибся.

Под ногами пружинил уже не мох, а ковер из опавшей листвы, но под ним ощущалась твердая основа, – выйдя к началу просеки, Таманцев не поленился разгрести перегной, с удивлением обнаружив, что под ним лежат плотно состыкованные друг с другом каменные плиты.

Несомненно, перед ним была дорога, но почему при ее прокладке использовался столь нехарактерный строительный материал?

Еще одна загадка, ответа на которую он не знал.

* * *

Ощущение тревоги не проходило. Иван двигался по древней дороге, ведущей в направлении увиденного им города, – теперь все ориентиры указывали на правильность избранного пути.

Прислушиваясь к своим чувствам, Таманцев не мог опеределить источник беспокойства, внутреннего напряжения. Физически ему стало намного лучше, приступ недомогания отступил, не оставив после себя ощутимых последствий.

Мог ли он связывать состояние постоянной тревоги с произошедшими в его организме изменениями?

Нет, Иван воспринимал происходящее с ним как непонятное психическое отклонение. Конечно, причин для тревоги у человека, оказавшегося на чуждой планете, пережившего приступ непонятной болезни, лишенного привычных средств жизнеобеспечения, более чем достаточно, но Таманцев прошел суровую школу выживания и умел контролировать свой рассудок.

Почему основные качества, выработанные в космическом десанте, сейчас вдруг начали изменять ему? Разве не попадал он в ситуации более сложные, по сравнению с которыми сегодняшнее положение выглядело вполне приемлемым? Скоро, уже завтра, он дойдет до города, встретится с людьми, населяющими планету. Что же так настораживало Таманцева, буквально изматывало душу ощущениями неопределенного беспокойства, заставляя постоянно находиться настороже?

Однозначного ответа он не находил.

Двигаясь по просеке, Иван постоянно искал взглядом признаки недавней человеческой деятельности, но, похоже, дорогой очень давно никто не пользовался. Каменные плиты местами просели, их покрывал слой опавшей листвы, превратившийся в перегной, на который выползал вездесущий мох, по-видимому, занимающий на этой планете экологическую нишу травянистых растений.

Лишь однажды, еще в самом начале пути, Ивану попался сгоревший остов планетарного вездехода.

В остальном дорога больше походила на просеку, мох давно прижился поверх каменных плит, а вот деревьям не удавалось удержаться корнями за тонкий слой образовавшейся почвы.

К закату Иван прошел километров сорок, пора было подумать о ночлеге, и он свернул к группе деревьев, близко подступающих к древнему дорожному покрытию.

Погода стояла пасмурная, но теплая. На всем протяжении пути он слышал в глубине леса, то с одной, то с другой стороны просеки, звуки, издаваемые какими-то крупными животными. Казалось, они ощущают присутствие человека и стараются держаться подальше, не то предупреждая друг друга об опасности, не то выражая таким образом свое недовольство.

Звериных троп, выходящих из лесной чащи и пересекающих пространство просеки, Таманцев видел в избытке, но ни один обитатель леса так и не показался ему на глаза.

Войдя под сень деревьев с мощными, неохватными стволами и тонкими ветвями с длинными, похожими на траву листьями, он почувствовал себя немного лучше. Тревога как будто притупилась, словно между ним и источником опасности возник незримый барьер.

Кроны деревьев опускали ветви почти до самой земли, образуя непроходимые заросли. У древней дороги чащоба редела: тут и там виднелись просветы и даже небольшие полянки.

Под плотными кронами можно укрыться от дождя, – подумал он, выбирая место для ночлега. От животных придется защищаться, разведя костер, дикие звери обычно сторонятся источников огня и дыма, ассоциирующихся с признаками лесного пожара.

Собрав побольше сухих веток, Иван развел костер, предварительно сняв слой красноватого мха, чтобы огонь не перекинулся за границы отведенного ему круга.

Поужинав пищевым концентратом и запив безвкусную массу несколькими глотками воды, он подбросил веток в огонь и сел в расслабленной позе,

прислонившись спиной к стволу дерева.

Мышцы гудели после дневного перехода, игра света и тени в быстро сгущающихся сумерках немного успокоила расшалившиеся нервы, – он уже и не помнил, когда в последний раз вот так сидел у костра, полностью предоставленный самому себе.

Постепенно мысли Ивана вернулись к событиям прошедшего дня, вернее, к своему моральному состоянию, он еще раз попытался осмыслить чувство тревоги, не отпускавшее ни на минуту, рассеявшееся только сейчас, и вдруг…

Он смотрел на огонь, когда ему почудилось движение среди листвы деревьев, в близко подкравшейся тьме. Резко повернув голову, он увидел, как на фоне мрака движется нечто, имеющее смутные, изменчивые, призрачные контуры. Сначала Таманцеву показалось, что он видит фантомное изображение, оставшееся на сетчатке глаз от долгого созерцания огня, но шли напряженные секунды, а видение не истончалось, да и не было оно похоже на черное, бесформенное пятно. Чем дольше Иван всматривался во мрак, тем отчетливее становилось восприятие непонятной структуры, сотканной словно бы из таинственно мерцающих нитей.

Одновременно вернулось уже знакомое, сосущее чувство тревоги.

Существо явно боялось приближаться к огню, оно осторожно двигалось по широкой дуге, не выходя из чащи, но и не тревожа своим движением ни единой ветви.

Как я могу его видеть за пологом листвы?

Закономерный вопрос. Будь в распоряжении Таманцева боевая экипировка с набором сканеров, он бы сказал, что наблюдает сигнатуру[9 - Сигнатура – в данном контексте этот термин обозначает характерное распределение энергий, фиксируемое сканерами. Карты сигнатур позволяют без визуального контакта определить, какие именно устройства (известные людям) работают под покрывалом атмосферы.] – энергетический образ существа, зафиксированный приборами обнаружения, но технические средства подобного рода оставлены им в полусотне километров отсюда вместе со ставшим обузой скафандром.

Существо замерло.

Пальцы Ивана невольно сомкнулись на пистолетной рукоятке оружия.

Он видел его, более того, Таманцев воспринимал волну животной ярости, словно неведомая тварь изнывала от инстинктивного желания броситься на человека, и лишь огонь да запах дыма останавливали зверя.

Внутренняя тревога росла, ширилась, он ощущал, как от перевозбуждения начали дрожать мышцы, рассудок помутился, он как будто читал намерения существа, физически ощущал исходящую от него угрозу, и организм реагировал, рефлекторно готовясь к неизбежной схватке.

Иван в невероятном напряжении пытался осмыслить происходящее, он не двинулся с места, лишь крепче сжал оружие, готовый в любую секунду к моментальному отражению атаки, но на фоне машинальных действий рассудок продолжал работать – он сравнивал остановившееся (судя по ощущениям) метрах в двадцати существо с чем-то виденным ранее и опять пришел к выводу, что наблюдает явную сигнатуру.

Абсурд? Да, он имел богатый опыт в чтении сигнатур кибернетических механизмов, мог при помощи специальных сканеров отследить работу их энергосистем и дистанционно определить, какой именно механизм ему противостоит, чем он вооружен… но в данном случае в его распоряжении не было датчиков, да и в чаще прятался вовсе не серв, а животное.

«Что же я в таком случае вижу?!

Неужели нервную систему зверя?»

Иван в данный момент понимал лишь одно: не глаза «видят» местами расплывчатую, местами предельно четкую структуру, – изображение проецируется перед «внутренним взором», органы зрения тут ни при чем, он воспринимает сигнатуру рассудком!..

Я сошел с ума?.. – промелькнуло в голове, но видение не исчезало, да и мыслил он вполне адекватно ситуации, задаваясь отнюдь не паническими вопросами:

почему именно нервная система загадочного существа стала доступна моему восприятию? Почему не тепло его тела, не структура кровеносных сосудов, а именно скопления нервных клеток?

В том, что неподалеку действительно находится зверь, Иван уже не сомневался, его обострившийся слух выделял среди мерного шелеста крон деревьев посторонние звуки, и, определив направление, Таманцев окончательно убедился – его видение не бред. Метрах в двадцати от избранной для ночлега поляны осторожно перемещалось неведомое существо, массивное, но необычайно ловкое и осторожное.

Его явно привлекал человек и пугал огонь.

Напряжение росло. Иван, непривычный к мнемоническим усилиям, измотанный дневным переходом и постоянным, давящим чувством тревоги, терял силы – сначала появилось легкое головокружение, затем он почувствовал уже знакомое недомогание, словно мозг стократно увеличивал потребление энергии, вырабатываемой его организмом, – мысли еще оставались четкими, он по-прежнему цепко держал в поле «внутреннего зрения» сигнатуру неведомого существа, а вот мышцы внезапно ослабли, по ним прокатилась волна бесконтрольной дрожи, тело покрылось ледяной испариной.

Рефлексы капитана не могли мириться с физическим бессилием, внезапной немощью тела, но что он мог поделать, когда процесс был неуправляем, – еще немного, и он потеряет сознание от крайнего нервного напряжения, не сможет ни пошевелиться, ни защитить себя, – возможно, именно такого исхода терпеливо дожидалось то существо?

Догадка справедливая, но неутешительная.

Иван все еще цеплялся за способность мыслить – последнее, что осталось у него.

В минуту наивысшего напряжения, когда тело уже не ощущалось, в рассудке, будто молния, промелькнула мысль: я могу защищаться лишь мнемонически… то есть мысленно…

У Ивана не оставалось времени разбираться, насколько он прав, чем обоснована эта догадка, откуда в его организме появилась способность к приему

источаемой существом биоэнергетической ауры, почему мозг выделил из нее лишь сигнатуру нервной системы животного, – все это выяснится позже, если он сумеет пережить внезапную опасность…

Будь у Таманцева возможность использовать оружие, он бы не задумывался ни на секунду, как поступить. От животного, подбирающегося все ближе, исходили волны подавляющей разум угрозы, оно приближалось не из любопытства, а скорее движимое чувством голода. Иван по-прежнему видел, как пробегают волны искрящихся возбуждений по тонким нитям нервных тканей, образующих сложную структуру, в центре которой находился сияющий сгусток – несомненно, мозг существа.

Если бы он мог поднять руку и выстрелить, он бы не промахнулся.

Но руки не повиновались, тело вообще не ощущалось, словно Таманцев превратился в сгусток мысли, не более.

Но мысль тоже может стать оружием…

Привычка бороться до конца позволила ему отбросить стереотипность мышления, не задумываться сейчас о возможном или невозможном – он защищался, принимая условия противостояния, которые так внезапно предложила реальность неведомой планеты.

Если он ощущал помыслы существа, по крайней мере, чувствовал явную исходящую от него угрозу, то возникал закономерный вопрос: как воспринимает оно меня?

Безвольным, ошеломленным, неспособным к ответным действиям – лакомый кусочек плоти, не сожранный лишь в силу своей близости к источнику огня…

Огонь… Оно боится огня… Единственное, что может меня спасти…

Обрывочные мысли внезапно приобрели ясность в последнем осознанном усилии: Иван сумел отчетливо представить, как пламя костра взъярилось, плюясь искрами, протянуло под порывом ветра сжигающие языки в сторону группы деревьев, в листве которых скрывалось животное, как объял их огонь,

мгновенно превращая в факелы…

Эффект оказался потрясающим.

Таманцев услышал дикий рев, сопровождаемый треском ломаемых ветвей, что-то тяжелое, массивное ломилось через чащу напролом, не разбирая дороги, прочь от угасающего костра и едва живого от невероятного напряжения человека.

…Некоторое время он лежал в полном оцепенении, потом медленно, как будто нехотя, к Таманцеву начали возвращаться ощущения тела, голова кружилась, затем появилась боль, в висках глухо стучало, мышцы ослабели до такой степени, что даже пошевелить пальцем он не мог…

Сколько Иван провел в таком состоянии?

Час, не меньше. Мысли путались, сознание то возвращалось, то угасало, стирая ощущение времени.

Наконец сквозь плавающую перед глазами муть он сумел различить тлеющие, уже подернутые пеплом угли костра.

Попытка пошевелить рукой внезапно увенчалась успехом. Иван с трудом дотянулся до заготовленной кучи хвороста и бросил в почти угасший костер несколько веток. Они занялись неохотно – язычки пламени скользнули по отслоившейся коре и угасли, но через некоторое время ветки все же вспыхнули, разгоняя сгустившийся мрак, отбрасывая тьму к границе окружающих поляну деревьев.

Иван с трудом возвращал себе восприятие реальности.

Теперь, после произошедшего, он не озирался по сторонам, а прислушивался к внутренним чувствам.

Ощущение угрозы, постоянного давления на разум исчезло.

Приблизительно через полчаса ему удалось встать.

Жутко, как-то по-звериному хотелось есть. Голод терзал не столько внутренности, сколько рассудок, пальцы противно дрожали, когда он вскрывал пищевой рацион и, не помня себя, давился сухим, прессованным брикетом, запаянным в вакуумную упаковку полторы тысячи лет назад…

Все происходящее казалось дурным сном, выглядело слишком фантастично, чтобы быть реальностью, но отвергать данность Таманцев не собирался.

Насытившись, он с трудом сделал несколько глотков теплой воды из фляги, потом некоторое время сидел, ощущая лишь непроизвольные сокращения мышц, возвращающие тепло озябшему телу.

Наконец после длительного отдыха он почувствовал, что понемногу приходит в себя. Вставая на ноги, Таманцев еще пошатывался от слабости. Первым делом он снова подкинул в костер веток и затем водрузил поверх занявшегося огнем хвороста несколько толстых сучьев.

Сразу стало светлее, спокойнее, тьма отступила еще на несколько шагов, пламя костра высветило те самые деревья, в кронах которых еще недавно прятался зверь.

Таманцев посмотрел в ту сторону не без страха. Где-то в глубине души он опасался, что увидит следы пожара, – сейчас он не мог поручиться, что на самом деле являлось реальностью, но, увидев потрепанные, местами зияющие темными провалами вырванных ветвей кроны, понял, что не ошибался, отделяя реальность физическую от игры разума.

Зверь действительно прятался там и воспринял образ лесного пожара как данность, панически спасаясь бегством от несуществующего пламени.

За всю жизнь Иван не испытывал такого потрясения, как сейчас.

Конечно, он знал о существовании кибрайкеров и мнемоников, пользовался различными устройствами маскировки, в том числе сложными фантом-генераторами, способными создавать полноценные иллюзии, но все перечисленное относилось к миру высоких технологий, достижений научно-технического прогресса цивилизации, а не к способностям разума отдельного

человека.

Я изменился… – стучалась в висках настойчивая мысль. – Моя болезнь привела к появлению новых способностей. Биосфера планеты воздействовала на меня, не убив, но превратив в кого-то другого…

Он смотрел на сломанные ветви, истрепанные, будто ураганным порывом ветра, кроны деревьев, пытаясь оценить размеры прятавшегося там животного.

«Я изменился. Но это изменение спасло меня от смерти».

Искать в любой ситуации положительные стороны, а не предаваться отчаянию по поводу уже ставших фактом свершившихся событий было одной из отличительных черт характера капитана Таманцева.

Однако на этот раз все оказалось много сложнее, чем предполагал прошлый жизненный опыт. Временами в мыслях, захлестывая разум, проскальзывал ужас… ужас перед самим собой.

«Но что я сделал? Прогнал животное силой рассудка, создав иллюзию?

Нет, неверно. Иллюзия в мире физическом не появилась. Воздействие происходило на уровне внушения. Подобные случаи хорошо известны. Во все времена существовали люди, обладающие даром внушения…»

Иван вернулся к костру, присел у огня, протянул к нему руки.

«Да, я мог бы допустить, что в минуту смертельной опасности у меня обнаружился скрытый до времени дар, – размышлял он. – Но я нахожусь на чуждой планете и воздействовал вовсе не на человека, которому мог бы передать знакомые образы, а на животное, относящееся к местной биосфере…»

Размышлять здраво оказалось крайне тяжело.

Не стоило забывать о явной сигнатуре, которую воспринимал его рассудок. К тому же теперь Таманцев мог объяснить самому себе источник постоянного внутреннего напряжения, чувства угрозы, которое сопровождало его на

протяжении последних суток пути. Двигаясь по дороге, он воспринимал биоэнергетические волны, исходящие из лесных чащоб по обе стороны просеки. Если рассуждать здраво, то в лесных дебрях шла постоянная борьба за существование, кто-то погибал, кто-то пожирал свои жертвы, и эманации подобных событий не могли нести ничего, кроме ощущения окружающей со всех сторон угрозы.

Такое допущение вело к необходимости осмыслить и как-то объяснить свои внезапно проснувшиеся способности, но Иван не строил иллюзий по данному поводу. Он вряд ли сможет разобраться, дать четкий категоричный ответ без использования сложной медицинской и диагностической аппаратуры.

Возможно, что-то прояснится, когда я доберусь до города.

Здравая мысль. Сейчас следовало успокоиться, отставить домыслы, дать отдых разуму и телу, ведь впереди еще около сотни километров пути.

«Я должен отдохнуть». – Он и без самовнушения чувствовал, как снова, уже второй или третьей волной, накатывается непомерная усталость, глаза буквально слипались, и Иван не стал сопротивляться, – подбросив в огонь остатки дров, он лег на мягкую подстилку мха и почти мгновенно провалился в черноту лишенного сновидений сна…

* * *

Его пробуждение нельзя было назвать приятным.

Таманцев проснулся мгновенно, словно от корабельного ревуна тревоги.

Где-то недалеко часто и ритмично грохотали выстрелы автоматического орудия, почва вбирала ритм разрывов, утренний ветерок доносил характерный кисловатый запах таугермина.

Иван вскочил на ноги, безошибочно определив направление и дистанцию: стреляли километрах в трех дальше по дороге.

Он машинально огляделся.

Костер почти догорел, истекая ленивыми струйками дыма.

Быстро затоптав его, он вернул на место снятый, но не поврежденный пласт мха и, держась под сенью кромки деревьев, двинулся в направлении потревоживших его звуков, стихших за то время, пока он маскировал место своего ночлега.

Он бежал, привычно концентрируясь на прозвучавших признаках боя, анализируя звуки, их ритмику, приходя к выводу, что огонь велся из двух автоматических плечевых орудий, обычно входящих в штатное вооружение тяжелых бронескафандров…

Звук не повторялся, запах таугермина, принесенный ветром, постепенно истаял в утреннем воздухе, зато по нервам внезапно ударили иные признаки скоротечного боя, относящиеся вовсе не к разряду привычных проявлений, – Иван споткнулся на бегу и едва не упал, когда по рассудку хлестнула тугая волна боли и ярости.

Нет… Только не это… Он прекрасно понимал, что не сможет еще раз выдержать жуткий прессинг со стороны обитателей леса, тем более, судя по оглушающим ощущениям, теперь их было много.

Имплант…

Иван с трудом разогнулся, заставил себя вдохнуть загустевший воздух, – только устройство импланта, куда был встроен микрогенератор стасис-поля, могло уберечь его от глобального воздействия ментальных волн, если не погасить их полностью, то хотя бы ослабить, приглушить.

Через несколько секунд ему действительно стало легче.

Волны ярости и боли по-прежнему достигали рассудка, но теперь они воспринимались не как губительный удар по психике, а скорее как неприятный, но терпимый фон, что-то вроде назойливого звука, который можно вытерпеть.

Усилием воли поборов болезненные признаки только что пережитого удара, Таманцев двинулся дальше, но уже не бегом, а быстрым шагом, укрываясь под опускающимися до самой земли кронами деревьев.

Стрелявших он так и не обнаружил, зато, пройдя еще с километр, увидел потрепанные разрывами деревья, цепочки конических воронок на обочине, и…

Крайние деревья по обе стороны древней дороги полнились сигнатурами животных.

Их вид нельзя было определить однозначно, у Таманцева появилось ощущение, что они произвольно, если не сказать – хаотично, спорадически меняют свою форму, пребывая в крайней степени бешенства.

Неизменным у каждого существа оставался центральный нервный узел, который Иван условно назвал «мозгом».

Он затаился, не зная, что делать. Двигаться дальше – смертельный риск.

Возникшую дилемму внезапно разрешило неожиданное событие.

Сначала Иван уловил смутно знакомый звук, а затем увидел, как по дороге со стороны города движется машина незнакомой ему конструкции.

Кто бы ни находился за рулем, – он двигался прямо в ловушку.

Глава 3

За несколько часов до изложенных выше событий…

Улицы города безлюдны в предрассветный час.

Время сервов. Механизмы, поддерживающие порядок в системе коммунального хозяйства, вывозят мусор, убирают улицы, осматривают коммуникации.

Сигнал вызова поступил, как всегда, неожиданно. Чрезвычайных происшествий не случалось уже давно, поэтому к делу подключили оперативников всех саттов.

Флора только вернулась домой, когда заработал выделенный канал связи мобильного коммуникатора.

– Да? – Она посмотрела на часы. Пять минут седьмого. Все нормальные люди уже разошлись по домам. Кому это не хватило приключений ночью? Гадать бессмысленно, на связи автоматическая система оповещения. Вызов. Очень информативно. Она отключила коммуникатор, положила его в сумочку, подумала, стоит ли переодеваться, потом пожала плечами и решила: сойдет и так. Ничего серьезного все равно не предвидится. Ночь спокойная по духу. Слишком холодная, чтобы кто-то всерьез решил нарываться на неприятности. Приятно поиграть со смертью, когда цветут эритармы, а дрожать от холода под порывами северного ветра – дураков нет.

Выйдя на улицу, она поежилась, запоздало пожалев, что не сменила вечернее платье на что-то более практичное.

«Шорх» цвета металлической вишни еще стоял у ворот, прислуга из числа дройдов не успела загнать его в гараж. Пройдя по гравийной дорожке вдоль роз, уже отцветающих и потому грустных, роняющих лепестки, Флора села в машину.

Ехать никуда не хотелось, но надо.

Тихо зашептал двигатель, ворота, кованные под старину, медленно распахнулись, она сдала в кажущуюся пустоту улицы – резко, до визга подсистемы, связанной с лазерными дальномерами, взглянула на отскочившего из-под колес серва, развернула «Шорх» и влилась, набирая скорость, в плавное закругление улицы.

Езда на машине в утренние часы – сплошная нервотрепка. На улицах полно механизмов, тщательно вылизывающих город, – по соглашению с саттом избранных сервам на уборку улиц отведено три часа – с шести до девяти утра.

Стараясь не задевать механизмы, Флора вела машину с предельно возможной скоростью.

На месте происшествия она оказалась второй.

Оперативник сатта воинов уже осматривал брошенный на краю уровня, косо въехавший на газон элегантный «Ротмарх».

– Привет, Шодан. – Ким Лесли одарил ее ироничной улыбкой. – Такая красивая и мрачная… ну, словно вестник грядущей бури. – Шутить или говорить комплименты он никогда не умел.

– Настроение суицидное, – кивком согласилась Флора.

Она действительно вступила в пору опасного возраста, усталость от жизни ощущалось все сильнее. Триста два года – не шутка, юношеские страсти давно улеглись, наступил и минул период зрелости, – не старея физически, она, как и другие жители Рока, остро ощущала моральное бремя прожитых лет, когда ни игры разума, ни светские забавы уже не придавали жизни достаточно смысла.

– Что так? Ночь не задалась? – Лесли на самом деле робел перед Флорой, всякий раз стараясь скрыть неуверенность в общении наигранной словоохотливостью.

– Поговорим потом. – Шодан обернулась и посмотрела на редкий экземпляр автомашины. – Что у нас тут?

Ким спорить не стал. Поддерживать непринужденный разговор, особенно когда твой собеседник – Тень, дитя природы и к тому же, несмотря на молодость, известный оперативник своего сатта, для воина, сторонящегося городской жизни, занятие нелегкое, да и неблагодарное.

– Что ж, давай по существу. «Ротмарх» принадлежит сатту избранных, точнее, Вильму Орану.

Флора кивнула, перешагнув поребрик. Вильма Орана она знала достаточно хорошо. Редкий пример целеустремленного мужчины, нашедшего смысл жизни в разгадывании тайн утраченных технологий и создании новых образцов техники.

– Он звонил?

– Нет.

– Странно. Ты пробовал его вызвать?

– Я только приехал.

Шодан достала коммуникатор, быстро пролистала его память, нашла нужный номер и коснулась сенсора вызова.

Отвернувшись, она слушала длинные гудки, наблюдая, как к месту происшествия подъехали еще две машины – прибыли оперативники от сатта избранных и сатта метаморфов. Представитель эмгланов, как всегда, опаздывал.

По случаю официального вызова метаморф принял человеческий облик, но гадать, кто из оперативников сатта скрывается под непримечательной внешностью, было бесполезно. Шодан знала, опознать метаморфа можно только по анализу сетчатки глаз, которая не видоизменялась на стадии метаморфоз.

– Общий привет. По какому случаю сходка? Найв, как всегда, опаздывает? – Оперативник избранных – высокий рыжеволосый юноша – с нескрываемым восхищением посмотрел на Флору. Она привыкла к подобным взглядам. Незаурядная даже для Рока природная красота в сочетании с дерзким складом характера окружала Шодан ореолом неприступности, что только подзадоривало мужчин.

– Оран не отвечает. – Кивком поприветствовав прибывших, сообщила Флора. – Ник, ты знаешь, где он может находиться?

– Дома. – Оперативник избранных пожал плечами, вызвав невольное раздражение у Шодан. – Знаешь, он мне не докладывает, куда идет или чем собирается заняться, – поймав неодобрительный взгляд Флоры, нашел в себе силы огрызнуться Николай. – Спит себе дома или засиделся в мастерской.

– Видишь его машину?

– Да, заметил уже.

– Думаешь, он одолжил ее кому-нибудь? – В словах Шодан прозвучали нотки зловещего предчувствия. – А сам не отвечает на звонки?

– Не знаю.

– Ненавижу такие ответы. – Флора пошла по газону в направлении «Ротмарха», не доехавшего до обрыва всего пары метров.

Остальные потянулись за ней, только метаморф задержался, мысленно связавшись с опаздывающим Найвом.

Эмглан отозвался мгновенно.

– Застрял в пробке. Сервы меняют покрытие улицы.

– Вызови Орана из сатта избранных. Но будь осторожен, на обычные звонки он не отвечает.

– В смысле – осторожнее?

– Не прикидывайся, Найв. Ты понимаешь, о чем идет речь. Флора что-то чувствует. Ты помнишь, как погиб твой предшественник?

– Помню, – ворчливо отозвался эмглан. Метаморфы – они все такие. Никогда ничего не говорят прямо. Впрочем, эмгланы во многом на них похожи.

Коммуникатор щелкнул, отключаясь. Райбен (это был он, Флора узнала его по манере разговора) пошел к брошенной машине. Избранный и воин что-то рассматривали, стоя на краю обрыва. Метаморф приблизился, удлинил шею, чтобы не подходить близко к краю. Лететь вниз – метров пятьдесят, не меньше.

Флора тем временем осторожно открыла водительскую дверь «Ротмарха».

Ее лицо мгновенно приняло напряженное, сосредоточенное выражение, отчего стало еще привлекательнее той магией недоступности, о которую разбилось немало сердец. Впрочем, Шодан умела отличать сердце самца от сердца мужчины.

Разбитая облицовка рулевой колонки. Вытащенные из-под нее провода. Что за варварство? Она впервые видела подобную картину.

– Ник, что вы там застряли? Мне нужно, чтобы ты взглянул.

– Да, иду. – Лорген тут же оказался рядом, Шодан дала ему время на осмысление путаницы проводов, грубо извлеченных из-под приборной панели, затем спросила:

– Что скажешь?

Николай обернулся.

– Машину угнали.

– У преступника не было кодона активации? – Бровь Флоры вопросительно приподнялась.

– Да. Скажу больше – злоумышленник не из сатта избранных. Но достаточно сообразителен. Провода соединены напрямую, в обход персональной системы доступа.

– Так можно завести любую машину?

– Если знать, какие провода соединить. Ты, к примеру, знаешь?

– Нет, – нахмурилась Шодан. – Больше того, не вижу смысла в подобных действиях. У каждого в городе есть своя машина.

– Может, кто-то перебрал на вечеринке и захотел прокатиться на «Ротмархе»? – предположил Райбен. – Модель новая, в производство ее еще не запускали. Только не пойму, зачем понадобилось выбрасывать все из багажника?

Шодан мгновенно насторожилась. Обойдя машину, она открыла багажное отделение. Так и есть – пусто. Выброшено все вплоть до запасного колеса и декоративной облицовки.

Действительно, зачем?

– Насколько я поняла, машину обнаружили сервы?

– Да. Но информации из них не выжмешь. Обыкновенные механизмы-уборщики. Они передали данные в систему, та автоматически оповестила дежурных оперативников.

– Есть что-то, отличающее «Ротмарх» от других машин?

Ник на секунду замялся.

– Понимаешь, Шодан, есть техническая информация, не подлежащая разглашению…

– Только не между оперативниками, верно?

В конце улицы показалась машина Найва.

– Нервно ведет, – как бы невзначай прокомментировал метаморф.

– Ник, изучи все повреждения. – Флора выразительно посмотрела на избранного, давая понять – у тебя есть пара минут на принятие решения.

Тот с облегчением полез внутрь «Ротмарха». Осматривая машину, он успеет связаться с руководством сатта.

Флора тем временем уже была подле машины эмглана. Тот сидел за рулем, не в силах распрямить сведенные судорогой пальцы. Его лицо было бледно-серым, как ранний рассвет.

– Ну? – Флора открыла водительскую дверь и мягко прикоснулась ладонью к затылку Найва. Через некоторое время его пальцы расслабились, пепельная бледность кожи сменилась пунцовыми пятнами румянца.

– Я же сказал тебе – осторожнее, – укоризненно произнес Райбен.

– Спасибо, Флора. – Найв тихо выдохнул: – Оран мертв. Его убили.

– Ты видел? – Ким Лесли отреагировал спокойнее других, ему, как воину, смерть была не в новинку.

– Мне не нужно видеть, – хрипло напомнил ему эмглан. – Я почувствовал. Аура смерти такая сильная… – он прижался затылком к ладони Флоры. – Оран умирал долго. Возможно, боролся.

Флора подняла свинцовый взгляд и тихо спросила:

– Ким, прорывы периметра были?

– Нет. Ручаюсь.

– Ник, твое время истекло. Ты слышал, что сказал Найв?

– Да. – Лорген выбрался из машины. – «Ротмарх» – принципиально новая модель. Он сконструирован как универсальное средство передвижения. Оран в последнее время работал над тайнами древних технологий, позволявших аппаратам тяжелее воздуха подниматься в небо.

– Эта машина способна взлететь?

– Да.

– Ты выяснил, почему ее бросили?

– Иссяк запас энергии в накопителях. Из-за обрыва питания отключились схемы водородного двигателя. Сюда «Ротмарх» дотянул на автономном запасе аккумуляторов.

– Ясно… – Флора обернулась к метаморфу. – Что ты рассмотрел внизу?

– Запасное колесо, аварийный набор, какие-то инструменты, пара непонятных приспособлений. Больше ничего.

Шодан задумалась.

Преступников было двое. Две дорожки следов остались на траве газона. Они убили Орана, угнали его машину, затем у «Ротмарха» иссякла энергия, ехать дальше стало невозможно, и они (Флора мысленно подразумевала преступников) стали выбрасывать все из багажника…

Бред. Бессмыслица.

Очевидно, остальные думали о том же. На лицах оперативников отражалось замешательство.

Шодан предвзято относилась к лишенным логики поступкам. Убийство – тяжелейшее преступление. Машиной завладели с определенной целью. Едва приметные вертикальные морщинки прорезали лоб Флоры.

– Ник, проверь, при обрыве питания датчик заряда накопителей работает?

– Нет.

– В таком случае, все складывается. – Внезапно заявила Шодан. – Они не знали, что энергия на исходе. Сюда завернули, чтобы освободить багажник. Потом вернулись в машину, но не смогли двинуться с места – иссякла энергия.

– Зачем освобождали багажник?

– Чтобы уложить туда что-то. Или кого-то, – уверенно пояснила Флора. – Нам известно место события. Ник, ты должен запросить информацию по всем личным чипам. Те, кто побывал в доме Орана, должны быть опознаны. Доказательством вины будет служить наличие сигнала от их чипов, зафиксированное контрольными устройствами данного квартала.

– Восхищаюсь тобой, Шодан, – произнес метаморф.

– Оставь комплименты своим дамам. – Флора чувствовала, как накатывается отвратительная, липкая усталость, – привести в чувство эмглана стоило ей

немалого усилия. – Ник, не стой как столб. Действуй. Выясни, кто они. Брать будем немедленно, потому что эти двое – либо сумасшедшие, либо чужие.

Лорген отошел в сторону, вновь достал коммуникатор.

Некоторое время он вел переговоры, потом с минуту ждал ответа, а когда тот поступил, вдруг побледнел, обернулся к остальным и сказал:

– Ни в доме Орана, ни в этом квартале сегодня не зафиксировано ни одного личного датчика.

– К нему никто не приходил и «Ротмарх» сюда приехал сам по себе?

– По данным систем слежения выходит так, – развел руками Николай.

– Чужие, – твердо заявил эмглан. – Но я не чувствую их в пределах города.

– Найв, ты устал. Нужно подключить еще кого-то из твоего сатта.

– Флора, я бы почувствовал, будь они в городе. Аура смерти всегда тянется за убийцей.

– И?

– Здесь у машины нет даже следа, никаких эманаций, поверь мне.

Флора кивнула. Не верить эмглану у нее не находилось причин.

– Есть предложения?

– Я проверю записи с устройств контроля городского движения, – произнес Николай. – Мне потребуется несколько часов.

– А я займусь периметром, – буркнул Лесли. – Не думаю, что кто-то утаил прорыв, но проверить придется.

– Хорошо. Найв, тебя подвезти?

– Я в порядке, Флора, спасибо. Доберусь сам. Эмгланы сделают все, чтобы обнаружить чужих.

– Ладно. – Шодан кивнула. – Держите меня в курсе. Не прощаюсь. – Она устало развернулась и пошла к своему «Шорху». Делать у брошенной машины нечего – всеми следами займется метаморф. А дать себе передышку на восстановление жизненных сил, отданных эмглану, нужно.

* * *

Ехать через весь город, чтобы взглянуть на мертвое тело, Шодан отказалась. Она чувствовала непомерную усталость после инцидента с эмгланом, к тому же исследовать кровавое место происшествия – удовольствие ниже среднего. Она уже давно не девочка, энтузиазм постепенно иссяк, жгучее желание применить свои способности притуплялось с годами, свидание со смертью, когда вдруг понимаешь, что все окончательно и ничего невозможно изменить, для детей природы – всегда шок.

Справятся сами, – решила она.

Вернувшись домой, Флора, по-прежнему чувствуя усталость, смешанную с нервным ожиданием развития событий, все же незаметно для себя задремала, сидя в глубоком кресле.

Разбудил ее настойчивый сигнал вызова.

Мгновенно стряхнув дрему, она коснулась сенсора коммуникатора.

– Слушаю.

– Хорошие новости, Шодан, – раздался голос Найва. – Оран жив.

Флора, вместо того чтобы обрадоваться, насторожилась. В голосе эмглана ощущались нотки напряженной недосказанности.

– Найв, не темни. Говори все, как есть.

– Здесь полно следов. Я чувствую их, но вот в чем проблема – у Орана установлена система видеонаблюдения. В последнее время он явно опасался за свою жизнь.

– Короче. – Флора уже поняла, куда клонит эмглан, сердце сжалось от дурного предчувствия, но она хотела услышать роковую фразу.

– Шодан, на видеозаписях ничего нет. Сожалею, но, вероятнее всего, тут поработали Тени.

– Что-то необычное обнаружили? – севшим голосом спросила она.

– Преступники использовали механические приспособления. Входная дверь взломана, да и травмы Орана… странные, – запнувшись, все же подобрал нужное слово эмглан. – Дети природы нашли бы иной способ получить необходимую информацию.

– Его пытали?

– Да. Жестоко. Потом решили, что он мертв, и бросили истекающее кровью тело прямо посреди гостиной.

– Найв, на записях есть движущиеся сами по себе предметы?

– Нет.

– Тогда не тупи, пожалуйста, – раздражение Флоры перешло в гнев. – Я не знаю никого из сатта Теней, кто умел бы делать невидимыми предметы или одежду!..

– Шодан, не заводись. Давай думать.

– Что говорит Оран?

– Пока – ничего. Он без сознания. Если тебя интересует мое личное мнение – здесь побывали чужие. Не знаю, почему им пришло в голову маскироваться под людей твоего сатта, но действовали они грубо. Пренебрежительно грубо.

Флора слушала его, сдерживая растущий гнев.

– Ник там? – спросила она.

– Да.

– Передай ему коммуникатор.

Секунда тишины.

– Да, Шодан, слушаю.

– Ник, свяжись со службами Рубежа. Мне необходимо знать – на каком участке его преодолели чужие.

– Флора, почему ты уверена в прорыве периметра?

– Все просто. Им не удалось воспользоваться летающей машиной Орана. Значит, уйти они могли только тем же путем, что попали в город, – через Рубеж.

– Океан ты в расчет не берешь?

– Нет. Во-первых, от океана нас отделяют отвесные скалы горного хребта. Во-вторых, ты сам прекрасно знаешь – горлы уже неделю как вышли на нерест. Они разорвут любого, кто окажется в воде.

– Хорошо, Флора, я попробую выяснить.

– Жду.

Она отключила коммуникатор, порывисто встала, прошлась по комнате. Кто? Кто пытается подставить под удар ее сатт?

Нет. В нападении на Орана все шито белыми нитками. Тени так не действуют. Запись с видеокамер скорее докажет, что кто-то неумело маскировался под них.

И все же Флора не находила себе места. Она чувствовала, как стремительно уходит драгоценное время. Происшествие не вписывалось ни в образ жизни, ни в психологию жителей города. С какой стороны ни взгляни на известные уже факты, получалась полная бессмыслица.

Смерть – самое страшное, что может произойти с любым жителем Рока. Ее панически боятся. Конечно, бывают и исключения из правил. Кто-то сходит с ума, теряет контроль над собой, но даже в самых тяжелых случаях – есть Рубеж, сатт воинов уже давно пополняется за счет тех, кто утратил страх перед смертью.

На Орана напал кто-то из воинов? – промелькнула предположение, которое Флора тут же отмела как несостоятельное, – нельзя забывать о ключевом явлении – невидимости. Экипировка воинов, даже самая продвинутая, не дает им подобного преимущества. Скорее дикие просторы, раскинувшиеся за укреплениями Рубежа, вновь породили очередное исчадие, наделенное разумом и новыми поистине феноменальными способностями…

Прервав ее размышления, тонко завибрировал коммуникатор.

– Слушаю.

– Это Николай. Я проверил все технические приспособления. На датчиках все спокойно. Сигналов тревоги за последние сутки не поступало. Правда, одна зацепка все-таки есть.

– Говори.

– Двое воинов, дежуривших у ворот, ведущих к Дороге Отчаянья, слышали непонятный скрежет. Словно металлом о камень. Они не стали поднимать тревогу – в зоне прямой видимости никого не было.

– Не было или они не сумели рассмотреть?

– Не знаю.

– Ник, исследуй стену. Я еду к тебе.

– Что мне искать?

– Царапины. Царапины на камне стены. Все, до встречи. – Флора свернула коммуникатор, на миг застыла, обдумывая дальнейшие шаги, затем подошла к сейфу (который обычно предпочитала не открывать) и извлекла оттуда два тяжелых автоматических пистолета с парой запасных обойм к ним.

Дикие земли очень опасны, особенно вдоль древней дороги.

Вряд ли кто-то согласится присоединиться к преследованию. Что ж, действовать в одиночку ей приходилось не впервые.

* * *

«Шорх» цвета спелой вишни подъехал к главным воротам Рубежа, свернул на парковочную площадку и мягко притормозил, останавливаясь.

Стены, вырезанные из монолита скал, гладкие, будто полированные, вздымались на тридцатиметровую высоту, демонстрируя фактуру камня. Кое-где их прорезали трещины, залитые темным, связующим материалом.

Кто и когда возвел защищавшие город укрепления, Шодан не знала. Даже старожилы не могли однозначно ответить на подобный вопрос. У Флоры вид Рубежа всегда вызывал различные ассоциации. Казалось бы – тут все предусмотрено для человека, и в то же время ощущалось незримое присутствие недопонятой архитектурной нотки, словно монументальные сооружения, как и основание города, были созданы не первым поколением колонистов, а гораздо раньше.

– Привет, Ник. – Она кивнула поджидавшему ее, нервно расхаживающему по площадке Николаю. – Нашел?

Тот кивнул.

– Царапины, как ты и говорила. Одни совсем свежие, другие примерно суточной давности.

– Откуда такая точность?

– Ночью шел дождь. Старые следы едва различимы. На недавних по краям заметен налет пыли.

– Они такие большие?

– Нет, сервомеханизм, которого я послал исследовать стену, передавал увеличенное изображение.

– Сколько их было? – спросила Флора, подразумевая чужаков.

– Двое или трое. Точнее сказать затрудняюсь. – Он окинул взглядом экипировку Шодан и спросил: – Решила преследовать?

– Да, – коротко ответила она. – И конечно, личные датчики не фиксировались?

– Не фиксировались, – кивнул Ник. – Ветер в поле. Ты их не найдешь.

– Не думаю, – упрямо поджала губы Шодан. – Они пойдут по дороге.

– Ты хоть малейшее представление имеешь, с кем придется столкнуться?

Флора отрицательно покачала головой. Чем больше она думала, тем менее явным становился образ преступников.

– Я хочу доказать, что они – не Тени.

– И все?

– Остальное – по обстоятельствам. Сам отдашь приказ или мне просить, чтобы открыли ворота?

– Я уже переговорил с Лаймелом. Он ничего не имеет против.

Шодан фыркнула.

– Желающих составить мне компанию не нашлось?

Лорген пожал плечами.

– На что ты рассчитываешь, Флора? Зачем рискуешь?

– Они обременены своими железками. Я же буду двигаться быстро. На второй вопрос можно не отвечать? – Она иронично улыбнулась. – Прикажи, чтобы открывали ворота.

* * *

«Шорх» уже миновал укрепления и начал набирать скорость, когда включился коммуникатор.

– Флора, воины говорят, что слышали приглушенные хлопки. Часа полтора назад.

– Откуда шел звук?

– Со стороны дороги.

– Поняла, спасибо. – Она отключила прибор связи, крепче удерживая руль. Дорога хоть и была вымощена каменными блоками, но, в отличие от укреплений Рубежа и городских построек, все же пострадала от времени – местами составляющие ее плиты просели, создавая опасные неровности.

Флора вела машину, одновременно следя за дорогой и пытаясь внимать своим чувствам, но лес, вплотную подступающий с обеих сторон, глухо молчал, словно,

вопреки обыкновению, природа хотела скрыть след чужаков.

Два часа она провела во внутренней борьбе – поддерживать скорость около ста километров в час и одновременно вести поиск получалось с трудом, но когда появились первые признаки чужого присутствия, Флора их не пропустила: сначала по нервам резануло ощущение, будто машина на полном ходу вошла в зону концентрации вязкой, явно негативно окрашенной природной энергии, затем, не успело пройти первое впечатление от внезапно появившегося чувства, она увидела странно разлохмаченные, словно порванные ураганным ветром кроны нескольких ближайших к дороге деревьев.

Флора начала машинально притормаживать, концентрируясь на восприятии исходящих от леса эманаций, затем взгляд поймал срубленные, еще истекающие агонией ветви, и вслед полоснуло острое чувство смертельной угрозы, – за аурой травмированной растительности скрывалась бешеная, полная невыплеснутой боли сила; секунду или две она ощущала лишь темную, лишенную индивидуальности ярость, затем восприятие локализовало отдельные очаги, но поздно, слишком поздно…

Ветви деревьев по обе стороны дороги словно взорвались движением – они удлинялись, росли на глазах, выхлестывались в сторону потерявшей скорость машины, моментально трансформируясь: теряя окраску и фактуру древесины щупальца затаившихся в кронах метаморфов отвердевали на лету, утрачивая пластичность, образуя твердые заостренные наконечники, – еще секунда, и десятки «гарпунов» с лязгом вонзились в металл, пробивая его насквозь, «Шорх» по инерции проехал еще метров десять, вырывая из гущи ветвей не сумевших удержаться в укрытии метаморфов, а затем остановился, окутавшись клубами пара.

Серия новых, рвущих металл ударов в буквальном смысле пригвоздила машину к дороге.

Флора лишь чудом сумела уклониться от пробивших салон «Шорха» твердых, как сталь, заостренных наконечников, за которыми в рваных пробоинах шевелились, истекая кровью на порезах, узловатые, свитые в тугие канаты мышцы.

С дикими метаморфами Шодан сталкивалась не впервые, но такому количеству разъяренных тварей ей еще не приходилось противостоять в одиночку.

Волны вязкой, гнетущей, подавляющей рассудок энергии плескали со стороны леса, они окружили искалеченную машину, необузданная ярость нападавших граничила с бешенством – Шодан задыхалась от примитивных помыслов, которые воспринимал ее рассудок…

Теряя силы, она все же сумела выбраться из машины через проем выбитого лобового стекла, проскользнула между извивающимися щупальцами, пронзившими капот, и рванулась прочь, пользуясь тем, что метаморфы принялись раздирать на куски сиденья и обшивку салона.

Метров через двадцать ей стало чуть легче, волна ярости и боли осталась позади, Флора огляделась вокруг, выхватывая оружие, и увидела, что под деревьями, между срубленными ветвями лежат несколько бесформенных, буквально разорванных в клочья тел, рядом тлел мох; в песчаной почве, словно желтые раны, зияла цепочка неглубоких воронок, всюду в радиусе полусотни метров виднелись фрагменты плоти…

Теперь она понимала безрассудную ярость разрывающих машину существ.

Никто, находясь в здравом уме, не напал бы на стаю метаморфов, особенно сейчас, в брачный период.

Однако пострадали не только эти люди, – в тугих волнах боли, что источала стена посеченных осколками деревьев, Шодан уловила отголосок уже завершившейся агонии Тени – дикое создание погибло случайно, обычно пути метаморфов и Теней не пересекались…

В следующий миг ей стало не до наблюдений.

Отбежать от растерзанной машины она успела метров на пятьдесят, когда почувствовала, как ей вдогонку рванулось несколько разъяренных существ.

Они мгновенно видоизменялись, принимая формы, удобные для бега, Флора слишком хорошо знала повадки метаморфов, чтобы тратить силы на тщетную

попытку избежать столкновения.

Резко развернувшись, она открыла огонь. Иного выхода у нее не оставалось. Оба автоматических пистолета были заряжены спецпатронами, содержащими вещество, временно блокирующее способность к метаморфозам, но нападавших оказалось слишком много, – пули остановили первых, вырвавшихся вперед, но вслед им неслось еще не меньше десятка разъяренных тварей – захлебнувшись жаждой крови, они утратили даже минимальные, присущие им в спокойном состоянии крохи разумной осторожности.

Когда оба пистолета щелкнули вхолостую, Шодан поняла – перезарядить оружие она не успеет.

Стремительный бросок метаморфа остановил только встречный ментальный удар, в который Флора вложила максимум своих способностей и силы.

Тварь потеряла сознание, но место оглушенного метаморфа мгновенно заняли два других, они налетели на Шодан, сбили ее с ног и тут же стали трансформироваться: их тела выдавливали из себя нечто, подобное щупальцам, которые обвивались вокруг человеческого тела, начиная сжиматься в смертельном захвате.

Она сопротивлялась из последних сил, рассудок терял ощущение реальности, но не от боли, а от морального истощения, – ей все же удалось на миг остановить порыв необузданной ярости, и сжимавшие ее щупальца вдруг расслабились, вот только выскользнуть из смертельных объятий уже не достало сил…

Лицо Шодан утрачивало материальность, оружие выпало из рук, ее пальцы тоже становились прозрачными, словно метаморф сжимал уже не человека, а лишь его одежду, но спустя несколько мгновений все вернулось, вновь проступили бледные черты лица, обозначились кисти рук, и в миг последнего, предельного усилия воли Флора одновременно с тоскливой мыслью о неотвратимости смерти вдруг увидела бегущего со стороны леса человека в странной одежде…

Грохот выстрелов прозвучал в истерзанном сознании, как нестерпимый удар грома, обвивавшие ее тело щупальца внезапно конвульсивно сжались и тут же обмякли, словно стрелок обладал незаурядным хладнокровием и отличным знанием единственного уязвимого места в изменчивом теле метаморфа…

Гром ударил еще и еще, прорываясь в гаснущее сознание бледными, уже ничего не значащими для Флоры вспышками чужой агонии…

* * *

Иван заметил машину издалека, но ни предупредить ее водителя, ни помешать прятавшимся в кронах деревьев существам выместить свою ярость на приближающемся автомобиле он не мог – не успевал, слишком велико оказалось расстояние до места грядущего события.

И все же он рванулся туда, несмотря на численное превосходство противника и леденящие подробности, внезапно открывшиеся взгляду: теперь Таманцев видел, что животные, затаившиеся в истрепанных ураганным огнем автоматических орудий кронах деревьев, не имеют постоянной формы, они видоизменялись, находясь в постоянных метаморфозах, их плоть как будто текла, кожные покровы сливались с окружающим фоном ветвей и листвы, волны слепой ярости, исходящие от них, еще вчера свели бы его с ума…

Ему оставалось пробежать около трехсот метров, когда от деревьев к машине рванулись десятки формирующихся буквально на лету щупалец, хотя такое сравнение все равно оставалось условным, твари, затаившиеся в кронах, с немыслимой скоростью наращивали мышечную ткань, придавая ей формы и свойства, необходимые для атаки.

Ничего более жуткого и парадоксального Иван никогда не видел.

Машина наконец начала резко тормозить, видимо водитель все же заметил опасность, но поздно… слишком поздно, десятки мускулистых щупалец с твердыми ороговевшими наконечниками с глухим металлическим лязгом пробили кузов машины.

Иван бежал что было сил. Два автоматических пистолета, найденные им в районе посадки колониального транспорта, являлись единственным оружием, способным остановить взбешенных тварей. Сейчас рефлексы галакткапитана, вобрав полученный накануне вечером страшный опыт, диктовали лишь один выход – он должен использовать свои навыки стрельбы в связке с открывшимися способностями видеть сигнатуры живых организмов, различать структуру их

нервной системы, то есть Таманцев понял: стрелять придется по наитию, ориентируясь не на реальное, а на внутреннее зрение, но прежде ему предстояло отключить устройства импланта, погрузиться в пучину ярости, найти в себе силы противостоять ментальному воздействию адских существ…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Космический Халифат образовался в результате захвата шести резервных баз Земного Альянса на планетах скопления Ширана. Завладев базирующейся там техникой, потомки колонистов – выходцев с Ближнего Востока Земли предприняли попытку захвата ряда планет. Подробнее об этих событиях в романе «Последний Рубеж».

2

Текстоглифы – специальные символы на клавиатурах (сенсорных, виртуальных), отличающие те «кнопки», что отвечают за запуск часто используемых командных последовательностей.

3

Маркированные линии гиперсферы ведут к заранее известным системам. Немаркированные – уводят к неисследованным звездам.

4

Речь идет о существах с планеты Рай. Подробнее смотри роман «Потерянный Рай».

5

БСК – боевой сканирующий комплекс.

6

Автомат движения встраивается в каждый скафандр, оснащенный сервоусилителями мускулатуры. Может самостоятельно поддерживать равновесие и совершать тактовые наборы движений, соответствующие шагу. Автомат способен самообучаться, подстраиваясь под индивидуальные особенности ходьбы человека.

7

Цокольный этаж мегаполиса. Сразу после посадки колониального транспорта на планету начинает свою работу планетопреобразующая и строительная техника. На месте посадки (стерилизованной от исконных форм жизни колонизируемой планеты) начинается строительство Цоколя – многокилометрового основания будущего города. Внутри Цоколя располагаются системы жизнеобеспечения, реактор, очистные сооружения, цеха по производству необходимых для дальнейшего строительства машин и материалов.

Пробуждение людей начинается после завершения работ по возведению Цоколя.

Известен целый ряд планет, где при успешно возведенном Цоколе пробуждение колонистов так и не состоялось. Есть примеры частичного выполнения запланированных работ с тем же трагичным исходом.

8

Мимикрия – свойство некоторых животных и растений маскироваться под окружающий фон.

9

Сигнатура – в данном контексте этот термин обозначает характерное распределение энергий, фиксируемое сканерами. Карты сигнатур позволяют без визуального контакта определить, какие именно устройства (известные людям) работают под покрывалом атмосферы.

Купить: https://tellnovel.com/livadnyy_andrey/posledniy-iz-bessmertnyh

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити